

Краткая история России 20-го века на фоне жизни моей Мамы

Посвящаю моим сыновьям, Косте и Мише.

*Кто жил и мыслил, тот не может
В душе не презирать людей;
Кто чувствовал, того тревожит
Призрак невозвратимых дней.*

А.С. Пушкин «Евгений Онегин»

ВВЕДЕНИЕ 1. СТАРЬЕ БЕРЕМ

Не знаю почему, но я всегда предпочитал старое новому. Я люблю свои старые вытертые штаны и свитера, старые книги, с потрепанными обложками, с замечаниями на полях и подчеркнутыми фразами на страницах. Я привыкаю к квартире или дому, в котором я живу и не хочу менять на новый, и больший, хотя так получилось, что иногда меняю. Так было всегда, с самого детства. Может быть потому, что когда я был маленьким, чаще всего я видел около себя старую бабушку, а не молодых родителей. Это было послевоенное, сталинское время и родители, работавшие в Госплане, проводили там шесть, тогда полных, рабочих дней, иногда до позднего вечера. Когда «сдавали план», то приходили поздно и в воскресенье. А может быть, мне запал в душу крик тряпичников, тогда еще обходивших дворы с криком «Старье берем», хотя этот крик и перестал звучать еще в детстве. Не знаю. Но, во всяком случае, когда мне было уже немного за сорок и я лежал в Академической больнице за универмагом «Москва» в ожидании небольшой операции, мне пришла в голову мысль, которую я до сих пор искренне считаю замечательной, описать прожитые мною годы, или, говоря словами Моэма, подвести «предварительные итоги», рассказав обо всех пиджаках, пальто и «некоторых других крупных предметах верхней одежды», которые я сносил или продолжал тогда носить. Хороших идей у меня всегда больше, чем идей успешно завершенных, но, как ни странно, идею с пиджаками я довел до конца, написал, много раз перечитал и переписал. Кстати, переписывая пиджаки в очередной раз, я вспомнил как в детстве, папа, показывая на толстые тома собрания сочинений Толстого стоящие у нас на полке, упомянул что Войну и Мир тот переписал семь раз. Я был поражен. Почему нельзя сразу написать, когда уже придумал что хочешь написать? И зачем уже написанный роман переписывать семь раз? Ну, можно еще один раз, чтобы исправить грамматические ошибки, как я

иногда делал со школьными сочинениями, но семь. И только в очередной раз переписывая свой маленький рассказ и вспомнив этот разговор, я подумал, да, Толстой действительно гений. Всего семь раз и уже «Война и Мир».

После «Пиджаков», я с налету написал еще пять небольших рассказов и много раз читал их в небольших дружеских компаниях, в основном на традиционных вероятностных школах в Бакуриани. Через несколько лет дочка моего приятеля Пресмана, Вероника набрала все это в «Ворде», мой коллега Саша Сластников с большим вкусом подготовил компьютерную версию, и в моем родном ЦЭМИ их издали на ротاپринте. Я назвал весь сборник «Котлета по имени Жизнь». Так назывался один из самых коротких рассказов, действительно с рецептом, действительно котлеты и именно с таким названием.

Не могу умолчать и о том, что, еще до этого, когда у нас в ЦЭМИ был вечер Жванецкого, я после вечера сунул ему своих машинописных «Пиджаков», с моим телефоном на последней странице. Через несколько дней Жванецкий позвонил мне домой. Он сказал мне несколько, настолько преувеличенных комплиментов, что я даже не хочу их цитировать, а эгоистично сохраняю их для себя. У «Котлеты» есть и другие поклонники, да я и сам получаю большое удовольствие перечитывая ее. Приятна и мысль о том, что и внукам, а может быть правнукам, я буду немного больше, чем фотографии в семейном альбоме, или файл с расширением jpg. Последний, шестой рассказ в «Котлете» – «Прогулка далеко» рассказывает о моей бабушке.

Когда умерла моя мама, я решил, что седьмой и может быть последний рассказ, я напишу о ней. Вообще, я не начинаю писать новый рассказ, не найдя для него какого-то «поворота», чего-то, что будет отличать его от простого «линейного» рассказа. Я придумал такой поворот и для рассказа о маме. Я решил написать «Историю России XX века на фоне жизни моей Мамы», но, честно говоря, замах оказался чересчур большим,

Во первых, ведь историю 20 века невозможно понять не зная всей предыдущей, так что я начал аж с доисторической эры, а во вторых, получилось что я пишу не столько о маме, сколько о всяких мерзавцах, которые стояли у власти в Советском Союзе, поскольку они то и определяли в XX веке как жить людям в этой стране.

Поэтому в некоторый момент стиль моего рассказа изменился, и немного эксплуатируя идею «Пиджаков», я решил вспомнить те московские квартиры, в которых жила моя мама и я сам, и конечно о тех людях, которые их населяли. Получились две части не совсем похожие друг на друга. В какой-то момент я стал говорить больше о себе и своей семье, чем о маме, но я сознаю себя продолжением своей мамы, хотя и очень несовершенным по сравнению с нею. Ну уж как получилось. И последнее что стоит упомянуть в этом введении, что своего Папу я тоже очень люблю и напишу еще о нем, да и написал в очерке для демографов по случаю столетия со дня рождения, (см. ...demoscope.ru/weekly/2010/0437/, там же и его рассказ записанный моей

сестренкой Леночкой), но в первую очередь я хочу написать о Маме. Может быть потому что именно мама дала мне мое имя, а не папа, но об этом потом.

ВВЕДЕНИЕ 2. И чей же я сын?

*Толстого граждане читайте,
Я вам рассказал про него,
А мне хоть копейку подайте,
Я сын незаконный его.*

*(Из вагонной песни, впрочем сочиненной
московским интеллигентом.)*

Да я, конечно, понимаю, что заголовок моей “эпопеи” кого-то насторожит, кого-то озлобит, и почти у всех породит недоуменные вопросы. Да что ты за Ключевский такой, чтобы писать историю России? Да еще в 20 веке, с такой историей, что и трех Ключевских не хватит. И почему ее нужно писать на фоне жизни твоей мамы? И кто же твоя мама? Айседора Дункан, Нонна Мордюкова или на худой конец какая-нибудь Лариса Рейснер. Ну что же, я обещал краткую историю и отвечать нужно кратко, но начать все же придется издалека. Я не принадлежу к тем редким людям, как Скрябин, который “видел” музыку, или Мопассан и Набоков, для которых буквы и слова имели свой цвет и даже вкус. Но одна пара слов была исключением. Когда я перевалил, наверное, за третий годик, и в океане звуков, окружавших меня, стал различать не только слова мамы, папы и бабушки, обращенные ко мне, но и разговоры окружающих, две пары слов звучали вновь и вновь. Это было “до войны” и “после войны”. И постепенно в моей голове нарисовалась какая-то странная и смутная лента, как млечный путь, но без звезд, тянувшаяся из левого нижнего угла моего сознания в верхний правый. Это была лента времени. Где-то в середине на ленте была черная, тоже размытая полоса – это Война. Ниже светлое пятно – до войны. Выше другое – после войны. Лента оставалась такой же до тех пор, пока я не научился читать. Это произошло, кстати, когда я сидел на горшке за дверью. Мы жили на пятом этаже в большом Госплановском доме на 2-й Мещанской, в отдельной двухкомнатной квартирке, но кухня с газом и водой и туалет были в коридоре, куда выходили двери еще примерно сорока таких же квартир. Все они, за исключением двух-трех угловых, были тоже двухкомнатными и во многих жили по две семьи. Туалет, а всего их было на этаже два, был

далеко в конце длинного коридора и свои дела до семи лет я справлял на горшке, а потом, с оказией, он туда доставлялся. Кстати туалет тогда назывался уборной. Я пишу об этом, потому что, во-первых, я хорошо помню этот момент, а во-вторых, ведь моим внукам нужно знать, а какими же были туалеты, они же уборные в “середине прошлого века”. Я прочитал слово макароны, написанное естественно на коробке макарон и, вскочив с горшка, закричал: “Макароны, макароны” и объяснил подбежавшей маме, что я научился читать, а не только узнавать буквы, которым она меня учила. Это было в шесть лет, а в семь я пошел в школу, стал учиться, читать книжки и лента времени стала тоже понемногу пополняться. Далеко внизу прорезалась красной полосой с какими-то сполохами Революция, после нее Гражданская Война, перед ней 1-я Мировая, опять черная и какая-то облачная. Наверное, потому что на ней впервые применили газы. Еще ниже появилась 1-я Русская Революция, а под ней полоска Русско-Японской войны. Где-то в пятом-шестом классе между Гражданской войной и Войной отметилась полоска 1930 года, когда застрелился Маяковский, стихи которого я услышал сначала от своего старшего друга Жоры Р, а потом полоска 1937 года – процессы над троцкистами и вредителями. Я прочитал о них рано, в пятом классе, найдя на полке у своего школьного друга, Андрюши Кузьмина, книгу двух «прогрессивных» американцев, Сейерса и Кана “Тайная война против Советской России”. Почему-то Андрей сказал, что это редкая книга и он был прав, ее позднее изъяли и из библиотек и из продажи. Потом эта лента XX века довольно сильно разрослась и вот о ней я и хочу рассказать.

А кем же была моя мама (Екатерина Павловна З.) и почему на ее фоне и пойдет мой рассказ ? Она не была той замечательной женщиной, о каких пишут в ЖЗЛ. Ни Мариной Цветаевой, ни Клавдией Шульженко, ни какой-нибудь актрисой, на худой конец. Она прожила внешне довольно заурядную жизнь, похожую на жизнь миллионов женщин ее поколения. Она родилась в Рязанской деревне Полтевы Пеньки в 1916 году, т.е. за год до революции, но уже десятилетней девочкой вместе с родителями переехала в Москву, где и прожила всю оставшуюся жизнь, если не считать короткой эвакуации в Куйбышев во время войны, (кстати, обратный путь мы уже провели вместе, поскольку мама забеременела именно в Куйбышеве), и поездки на Кубу на полгода вместе с папой в шестидесятые годы. В московской школе она вступила в комсомол, после школы училась в Плановом институте, после его окончания сразу пошла работать в Госплан – в это время там появилась много вакансий, так как старых специалистов, которые составляли костяк Госплана, уже начали сажать. Во время войны вступила в партию, и проработала в Госплане всю жизнь, больше тридцати лет, пока не ушла на пенсию. У нее был один муж, мой папа, с которым она прожила до его смерти, двое детей, я и моя сестра. Ее отец и младший брат погибли на фронте, но этим в России никого не удивишь. Старший брат, дядя Ваня, пережил войну и умер уже в 70-е годы. Никто из ее близких не был репрессирован, но это

тоже могло случиться, особенно в тех семьях, где мужчины погибли на войне. Бог не наградил ее замечательным голосом, как Галину Вишневскую, не определил в детстве в балетную школу, как Галину Уланову, не дал ей такого темперамента, как революционерке Инессе Арманд, которая жила с двумя братьями - фабрикантами вместе и врозь, родила пятерых детей, ушла от всех семерых в революцию, где среди прочих "революционеров", внушила немалую страсть и нашему дорогому Владимиру Ильичу, что придает ему некоторые человеческие черты. Жалко, конечно, что он не увлекся ею настолько, чтобы не забросить к черту революционную работу, поэтому замечательность Арманд, как женщины, остается под некоторым сомнением. Мама не прославилась детективными романами с женским уклоном, не била мировых рекордов на конькобежной дорожке, не родилась в профессорской семье, как Цветаева, и не писала гениальных стихов, но с другой стороны и не привела невольно мужа на эшафот, дочку в концлагерь, а сына под пулю на фронт. Вообще, замечательность многих персонажей ЖЗЛ и подобных серий вещь довольно спорная. Я не говорю уже о таких двух психопатах, как Ленин и Сталин, которые к тому были довольно невежественными, жестокими и довольно крупными неудачниками в большинстве начинаний своей жизни, хотя, к сожалению и не во всех. Но ведь если взять и такого, безусловно, положительного человека, как Сахаров, вряд ли мы бы узнали о таком диссиденте, если бы до этого он не был автором первой в мире водородной бомбы. Вполне возможно, что немало талантливых инженеров или физиков, наподобие Капицы, отказались работать над ней под каким-то благовидными предлогами и тем проявили больше зрелости и дальновидности, чем Сахаров, в силу чего и остались безымянными. Даже если взять такого честного человека, как Колмогоров, пожалуй, ведь и о нем человек с обостренной совестью может сказать: "А не говорит ли о какой-то душевной недостаточности сама способность доказывать замечательные теоремы в то время, когда миллионы его соотечественников умирали с голода из-за коллективизации или шли в лагеря в результате выполнения плана по арестам. Но Колмогорова можно защитить. То, что он мог делать, он делал. Он выручал коллег и друзей из тюрьмы, он опубликовал научную статью в пользу генетики, когда это могло стоить ему головы. И наконец он просто самый великий математик того самого века, о котором я хочу рассказать. Да и у меня принимал экзамен в аспирантуру и поставил пять, хотя я отвечал без особого блеска.

Я не хочу сказать, что замечательных людей не бывает среди людей известных. Бывают и просто святые люди, к ним например относится Павел Флоренский. Может быть его гибель больше говорит о большевистском терроре чем что либо другое. Мне глубоко симпатична Лидия Чуковская, написавшая две повести о сталинском терроре не после него, а во время него, в 1939 году, успевшая помочь позднее и Солженицыну и Бродскому, не шедшая даже на такие позволительные компромиссы, на которые шел ее честный отец, Корней Чуковский, тоже очень симпатичный человек, с которым у меня даже был небольшой разговор, когда мы рядом сидели в

очереди в паркахерской на ул. Горького. Я глубоко уважаю Солженицина, хотя его во многом можно упрекнуть. Он рассказал далеко не всю правду о себе, в частности о своем поведении во время восстания в Дзезказганском лагере, неблагородно и неблагодарно написал о Твардовском и «Новом Мире». Он совершил фундаментальную ошибку после приезда в Америку. Вместо того чтобы попытаться понять эту страну и западную демократию он, вначале обругал за материализм тех, кто дал ему прибежище, кстати вполне материальное, а потом потратил 20 лет своей жизни на многословную эпопею, которую многие читали, но немногие дочитали. Но С. написал такие две книги как «Один день Иван Денисовича» и «Архипелаг Гулаг». И этим навсегда вошел в историю России и всего мира. Я глубоко уважаю таких писателей как Пастернак, Платонов и Булгаков. Думаю что замечательными писателями в период с после смерти Ст-на были Юрий Трифонов и И. Грекова (Е. Вентцель), прекрасным человеком и самым лучшим режиссером моего времени был Эльдар Рязанов, хотя можно назвать и многих других, например, Иоселиани, Хуциев. Мне глубоко симпатичны Барды шестидесятники – и гении первого ряда – Окуджава, Галич и Высоцкий, и стоящие прямо за ними Визбор, Городницкий, Ким, Н-ла Матвеева, Никитины и множество других, менее известных, Якушева, Кукин, Вахнюк, Щербаков, Аделунг, Бережков, и еще, и еще. Замечательных и знаменитых людей много, особенно в России, где эпоха всех проверяла и на излом и на вшивость. Но так же как офицеры на фронте принимают решения, но выигрывают и проигрывают войну рядовые, так же и знаменитости, хотя и определяют эпоху, но не они составляют ее ткань. Я не очень высокого мнения о большинстве, и не причисляю мою маму к большинству, но я думаю, что такие люди, как моя мама, и составили тот костяк советского общества, который держал его в человеческом состоянии, не давая ему опуститься до подлинных идеалов социализма.

И, наконец, я хочу написать о своей маме еще по одной причине. Один художник, отвечая на вопрос высокомерной дамы, почему его угораздило родиться в такой-то забытой Богом дыре, сказал: “Я просто хотел быть поближе к своей маме”. Я хочу написать о своей маме, чтобы чувствовать свою близость к ней. А почему история на ее фоне? Мне кажется, что история России только выиграет от этого. А почему именно я взялся за историю ? Особых амбиций у меня нет, и я конечно не историк, но это не играет особой роли. Сколько бы сексолог не изучал сексологию, он не может существенно увеличить свою потенцию или шансы на счастливую семейную жизнь. И глава небольшой банды может лучше понимать психологию Сталина, чем историк всю жизнь собирающий о нем документы. Я математик, родился и прожил полжизни в Москве, и вот уже почти двадцать лет живу в Америке, хотя еще не было года, когда бы я не приехал в Россию. Если мои сыновья, внуки, и надеюсь правнуки и несколько друзей и знакомых прочитают эти главы, я буду вполне счастлив.

Ну а теперь пора начинать. Не будем спорить о том, когда начался XX век, 1 января 1900 или 1901 года. По настоящему он начался 1 августа 1914 года, когда загремели пушки 1-й Мировой войны (МВ). Но ведь до этого человечеству надо было еще дожить. А чтобы жить – надо родиться. А родилось человечество примерно 5-6 млн. лет тому назад.

Часть Первая. Кратким курсом всемирной истории

Глава 1. От охоты на саблезубых тигров до штурма Бастилии

Труд сотворил человека из обезьяны.

Ф. Энгельс

А вот из лошадей люди не получаются, сколько бы они не работали.

Простое наблюдение.

К началу XX века люди жили на земле около пяти с половиной млн. лет. Это конечно очень немного по сравнению с возрастом самой Земли и с зарождением жизни на земле, тут счет идет на пару миллиардов лет. Хотя в мире существует и бесконечное число планет, звезд и галактик, но вполне возможно, что мы, люди абсолютно одиноки во вселенной. И причина этого очень проста. Уж очень нашей Земле повезло с ее расположением по отношению к солнцу, к нашему Солнцу. Мы так крутимся вокруг него, что температура у нас не зашкаливает за сто тепла и не падает ниже пятидесяти ниже нуля, а средняя так и выше нуля. Вода не кипит, и океаны не замерзают. Это именно то, что нужно для всяких химических, а потом и биологических молекул, чтобы химичить, соединяться, разъединяться и почему то усложняться и усложняться. Но вообще то, шкала температуры бесконечна, она только снизу имеет абсолютный нуль. Поэтому наш интервал, от нуля до ста, грубо говоря, это просто точка на этой шкале, и шансы попасть в такую точку, как впрочем и в любую другую, равны нулю, даже если и планет бесконечно много и кто-то, интересно кто, пытается попасть в эту точку много, много раз.

Итак пять с половиной млн. лет назад нас, людей, не было, а были наши предки – обезьяны, которые вели довольно подвижную жизнь, прыгая с ветки на ветку, как маленькие тарзанчики, смело пользуясь всеми пятью конечностями, особенно пятой – хвостом. Все это происходило в тогда жаркой и влажной Африке. Потом одним метеоритом шарахнуло по Австралии, другим по Аризоне, ледники сюда, ледники туда, и в Африке стало сухо. Шарахнуло кстати не в первый раз, перед этим досталось динозаврам, которые худо бедно прожили на земле больше 100 миллионов лет, и исчезли, как еще примерно 80% существовавших тогда видов. Итак, в Африке стало сухо, деревья поредели, и часть наших предков очутилась в саванне, где с дерева на дерево не перескочишь, а нужно передвигаться перебежками. И тут выяснилось, что в начале эволюции им, нам, обезьянам не досталось ни крыльев, ни плавников, ни крупных рогов, или бивней, ни даже острых клыков или крепких когтей. Можно

сжимать пальцы в кулак или махать хвостом. Саблезубый тигр тоже машет хвостом, но не в хвосте его сила, как видно из его прозвища. Конечно, можно ждать, пока в процессе эволюции не вырастут рога или появятся крылья, но ведь до этого надо дожить. Поэтому в борьбе с рогатыми, зубастыми, саблевидными, крупномордыми и толстокожими приходилось все время сбиваться в кучи, вставать в круг, издавая нечленораздельные звуки, в основном призывая на помощь, и пускаться на мелкие хитрости вроде бросания камней и размахивания палками. Это кстати проделывают и обезьяны, оставшиеся в лесах. Бабуины, устраиваясь на ночлег высоко на деревьях, рядом со своим “гнездом” складывают палки, чтобы бить по морде леопардов, залезающих ночью на деревья. В общем, голь на выдумки хитра.

Поначалу все это обучение мелким хитростям происходило очень медленно и именно поэтому так трудно многим нашим современникам поверить в эволюцию. Обычный, уже немолодой человек хорошо понимает, что такое отрезок времени в 60-70 лет. Если у него была старая бабушка, которая рассказывала ему о своем детстве, то и 100-120 лет ему представить нетрудно. Если он человек образованный и хорошо знает скажем античность, то и горизонт в две – три тысячи лет тоже для него не проблема. Побывав в пещере Альтамира, где нескольким рисункам 15 тыс. лет, мы можем представить, как люди изменились за 15 тыс. лет. Но представить себе, что может произойти за 100 тыс. лет, уже совсем непросто. И нужно сделать очень специальное умственное усилие, чтобы представить себе во временном пространстве сто раз по 15 тыс. лет. А это как раз и полтора миллиона лет, которыми датируется использование огня, кстати, в Сибири. В общем, за пару миллионов лет звуков и криков стало разнообразнее. Чтобы забить мамонта, нужно заранее договариваться кто зайдет слева, а кто справа, а главное, кто будет подставлять копьё под брюхо, и это последнее требует наиболее долгого обсуждения и простым «твою мать» тут не обойдешься.

Другая подножка эволюции состояла в том, что человеческие детеныши рождаются маленькими и растут очень медленно. Два года корми грудью, и носи детеныша на руках. Не очень-то поохотишься. А есть надо, и кормить ребенка тоже. Как же заставить мужика приносить мясо круглый год, а не только две недели в году? Решение оказалось простым. Течку, как у собак и львов, пришлось отменить и заниматься сексом круглый год. Да и мужикам возвращаться с охоты стало веселее. Дома ждет не только горячая похлебка. В общем, не хлебом единым. Кстати, появились и хлеб и каши. Интересно, что разбиение мужчин и женщин на пары, а не скажем тройки или четверки или просто общежития со свободной любовью, которые в начале 20-х годов проповедовал наш нарком культуры Луначарский, произошло очень давно. Это ученые выяснили, анализируя окаменевшие следы группы людей, шедших по болоту около миллиона лет тому назад. Люди шли парами, бабы слегка сзади мужиков, (а вдруг крокодил выскочит). Конечно, любовные треугольники и многоугольники были и будут всегда, но все таки на фоне пар.

А вот то, что люди разбиты на мужчин и женщин, это благословение Бога или Природы. Так же почти у всех животных и птиц, и даже у цветов и растений, которым мы тоже значит дальние родственники. Смысл этого очень простой. Одного пола мало, потому что надо тасовать гены, чтобы получались новые интересные комбинации. А два – это самое маленькое из целых чисел больше одного. Природа экономна, правда опять непонятно, кому собственно интересна эта экономия.

Не будем обсуждать куда делись неандертальцы, почему их вытеснили кроманьонцы, где австралопитеки, и почему где-то в районе экватора какое-то маленькое племя оказалось умнее других и постепенно именно их потомки распространились. Кстати сейчас, используя ДНК, это племя сейчас нашли, они спокойно продолжают жить в хижинах и охотиться на диких зверей, правда с ружьями, которые их предки европейцы завезли туда лишь двести лет назад. Как бы то ни было, но 600 тысяч лет назад черепа умерших уже раскрашивают довольно сложным узором, 300 тыс. лет назад появились круглые хижины, 100 тыс. лет – в пещерах светят лампы, в них горит жир животных. Собаки уже давным давно служат людям. Так что и волкам большое спасибо. Если бы они не были такими умными, семейными, верными (помните Лобо у Сетона-Томпсона, не все знают что это правдивая история и СТ участвовал в охоте на Лобо и именно после нее и стал сторонником охраны лесных обитателей) и их щенят нельзя было бы приручить, трудно сказать как бы люди выжили среди диких зверей. Люди конечно отплатили волкам с чисто человеческим эгоизмом – сейчас на земле около миллиарда собак и всего лишь около 300 тыс. волков. Приручили волков, пора доить коров, стричь овец и запрягать лошадей. Около 50 тыс. лет народ из Африки двинул на другие континенты, 40 тысяч лет - народ из Сибири по ледяному мосту через Берингов пролив двинул в Америку и стал спускаться вниз. Где-то на юге нынешней Юты, они встретили других будущих американцев, которые пришли из Южной Америки, то ли приплыв из Африки, то ли из Азии. Зачем, кстати эти дальние пути. Неужели в Сибири не хватало места? Нет, это какая-то охота к перемене, вера в новую, лучшую жизнь там, за горизонтом.

30 тыс. лет – каменные фигуры, изображающие богинь плодородия, ужасно похожие на современные рисунки в мужских туалетах. Люди начали считать, на откопанной волчьей кости – 55 зарубок, группами по пять. В Америке довольно популярна серия романов про доисторическое общество, написанные современными феминистками, где мужчины командуют женщинами и угнетают их. Судя по обилию украшений – все было совсем не так. Среди тысячи раскопок нет ни одного места, где бы ни были найдены женские украшения. Женщин и тогда надо было задабривать, а им и тогда было нужно себя украшать.

Появляются наскальные рисунки с абстрактными мотивами, первая географическая карта, вырезанная на кости, 15 тысяч лет до нашей эры, нынешняя Украина. В Перу инки сажают картошку, майя в Мексике – кукурузу, в Египте больным делают трепанацию черепа, роют каналы.

Каждому новому поколению свойственно несколько пренебрежительное отношение к предшественникам, просто потому, что они жили раньше. Пушкин был конечно гениальный поэт, но ведь он никогда не включал электрический свет, не сидел в культурном туалете, не разговаривал по телефону, не говоря уже о мобильнике, не летал на самолете, и что может быть серьезнее, не читал Толстого и не слушал музыку Чайковского. А что говорить о каких-то охотниках, живших в пещере 20 тыс. лет назад. Они не знали, что такое дверь, колесо, на штанах не было пуговиц, у женщин ночных рубашек (хотя возможно были духи и помада), дети не умели сидеть на горшке. Мне самому, чтобы правильно посмотреть на наших предков и людей без образования, понадобилось одно беглое замечание Платонова, подтвержденное моей собственной работой в саду, на целине, строительстве. Он сказал «Люди интеллигентные смотрят сверху на простых людей потому, что не понимают, что для того, чтобы сделать табуретку или сложить печь, голова нужна не меньше, чем руки». Кстати, как выяснили недавно и наоборот, делая тонкую работу руками, развиваешь и голову, т.е. мозги в этой голове. Сам Платонов принадлежал к тем писателям, что в отличие скажем от Пруста или Сартра, пришли в литературу, пройдя нелитературную школу. Платонов был инженером и землеустроителем. Чехов и Булгаков не только кончили медицинские факультеты, но и были практикующими врачами. А Толстой написал свои Севастопольские рассказы, будучи артиллерийским офицером. Поэтому они и были настоящими писателями, в отличие от Пруста и Сартра. Впрочем, Пастернак прошел школу жизни по другому, но поэтом и писателем был прекрасным. Так вот, возвращаясь к первобытным охотникам. Чтобы выжить в лесу, в тайге, тундре, среди скал, да и среди ровного поля, и не просто не помереть с голоду и холоду, но и накормить и ублажить подругу, вырастить маленьких детенышей, обустроить дом, выкопать колодец, обучить собаку, объездить коня, нужно все время думать, запоминать, учиться, пробовать, перенимать навыки, слушать старших, учить младших.

Восемь, шесть тысяч лет. Между Тигром и Евфратом уже существуют развитые цивилизации, с сельским хозяйством, складами, бухгалтерскими книгами, судами, завещаниями и разводами. На стрелках наших часов 60 минут, 24 часа в сутках, круг делится на 360 градусов. А почему? Да потому, что в Вавилоне была двенадцатеричная система счисления. Математикам древнего Вавилона не откажешь в интеллектуальной смелости. Пальцев на руках десять, а не двенадцать, но десять камешков можно разложить на равные кучки только тремя способами - по одному, по два и по пять, а двенадцать аж пятью - по одному, по два, по три, по четыре, по шесть. Позднее кулаки с пятью пальцами оказались убедительней, но яйца и сейчас считают дюжинами. Так, через яишницу интеллектуальные традиции двенадцатеричной системы передаются из поколения в поколения.

Когда я был маленьким, мама научила меня мыть руки с мылом, популярно объяснив, что такое микробики. Позднее, когда я стал читать очень неплохую книгу Ильина и Сегала «Как человек стал великаном», то помню, что подумал, а как же люди в древнем Вавилоне, не зная о микробах, не моя рук мылом, не кипятя воду, не имея холодильников, не заболели и не умерли в этом жарком климате.

Взрослые не сказали детям правду – 7 тыс. лет до н.э. люди научились варить пиво, т.е. дезинфицировать воду без кипячения, да и в голову приятно шибает. Бродит, а не гниет, да и дрожжи можно высушить и хранить годами. Кстати, спасибо брожению. Без него не только пива, но и вина, и квашеной капусты, и моченых яблок, и соленых огурцов и хлеба.

До крепких спиртных напитков остался один шаг. Ему, как и многим другим шагам, мы обязаны женщинам, ведь в древнеарабском «алкоголь» – это жидкость для косметики. Еще пару тысяч лет и торговые люди финикийцы пользуются алфавитом из 22 букв, 776 век до нашей эры - Олимпийские игры, нулевой год – рождение Христа. Неть эллина, грека, иудея. Первая мировая религия, основанная не на национальности или языке, а на некоторых моральных принципах, не таких уж, впрочем, и новых, и популярных у этих самых иудеев.

Выплавка меди, свинца, железа, изготовление сплавов, удивительно быстро распространилось по всему миру. К началу нашей эры Испания произвела более ста тыс. тонн (!) свинца. Чтобы организовать такое производство, нужны не только рабочие и инженеры, нужны разнообразные орудия, подъемники, транспорт, склады, нужны учетчики, канцеляристы, плановики, торговцы.

Обряды захоронений. Как выяснилось сравнительно недавно, с тщанием и почетом хоронили не только знатных людей, но и простых крестьян и ремесленников, даже рабов – строителей пирамид. Конечно, можно сказать, ну люди темные, смерти боялись, потустороннего мира, молнии, грозы. Но ведь и в основе верований и даже нелепых суеверий лежит какое-то душевное движение, устремление, уважение к тем, кто ушел и передал свой труд и знания тем, кто остался. Хоронили с почетом, и маленьких детей, из которых мог вырасти человек, но не вырос, и почтенных старцев, которых тогда было немного. Это уважение к умершим, конечно, в диком контрасте с тем, как относились к ним в России в советское время. Многие из них удостоились только бирки на ноге, для учета, а умершие от голода, тифа или испанки и этого не получили. Цветаева не узнала, где похоронена ее младшая дочь, я не знаю где похоронены мой дедушка и два моих дяди, погибшие на войне. А о многих и вспомнить некому. Так, что в историческом музее не стоит пробегать мимо стенда или стеклянного ящика вделанного в пол, с останками древнего человека, да и египетский саркофаг стоит рассмотреть повнимательнее.

К началу нашей эры в мире две великие империи, китайская и римская. Китайские нефритовые топоры, которым по 6 тысяч лет, поражают красотой формы и блеском полировки. Будто сошли со шлифовального станка. Да они и вправду с него сошли, вода льется, колесо крутится, шкив крутит точильные камни, и пошло, поехало. Колесо ведь уже давно изобретено. Китай вообще отличился, изобрели бумагу, порох, компас, печатные буквы, треугольник Паскаля, решают линейные уравнения с тремя неизвестными. Но дальше почему-то технический застой, вся энергия уходит в иероглифы и подготовку к экзаменам на чин. Индия тоже не отстает. Индусы построили прекрасные храмы и обсерватории, только недавно археологи доперли, что слегка наклонная каменная стена в одном из

храмов служит для измерения расстояния до луны во время затмений. Другие важные заслуги индусов – изобрели ноль и поставили секс на научную основу, написав Кама Сутру. То самое, до чего Запад дошел только в 20м веке. Люди начинают писать стихи, а первая известная поэма, 4 тыс. лет – это Шумерский гимн пиву, вначале история его божественного происхождения, от богини, женщина опять главная, но самое главное, поэма - подробный технологический рецепт.

Но вот эстафетная палочка прогресса переходит к грекам. Тоже пишут стихи, но также и пьесы, и эпиграммы, особенно злые на врачей, вроде той, где гадатель предрекает врачу смерть через год, а тот со смехом отвечает «вот у меня с тобой будет скорее расчет», и «только коснулся его рукой, как умер тот в страшных мученьях». Пьют не только пиво, но и вино, а главное у них появилась демократия. Голосуют черепками, слушают ораторов, приговаривают философов к смертной казни, с очень современной формулировкой «за подрывные основы». Боги у них тоже демократы – пьют, дерутся, изменяют своим богиням со смертными женщинами. Равенство полов – мудрость воплощает Афина, богини наставляют мужьям рога, мстят соперницам. Что рассуждать о Греции? Читайте ее мифы, Илиаду, Одиссею, но особенно Илиаду – первый гениальный сериал, в котором очень подробно рассказывается всего лишь о нескольких днях Трои и вокруг нее на девятом году ее осады. Вокруг - действие одновременно происходит на трех этажах. Первый - на полях вокруг Трои, второй - на небе, где Боги тоже разделились на два лагеря. Афродита, получившая яблоко Париса, Апполон, Арес и Артемида за троянцев. Гера, как оскорбленная богиня семейного очага, Посейдон и Афина за ахейцев, мудрость говорит что чужих жен умыкать нельзя. Зевс по долгу семейной службы вроде бы то же за ахейцев, но как большой бабник сочувствует Парису и троянцам. Третий этаж – подземное царство, куда одни за другим попадают основные герои – Илиада глубоко антивоенная поэма, хотя и воспевает мужество и честь. Одновременно идет семейная линия Геры и Зевса, с ссорами, обманом и даже сексом между старыми супругами, когда Гера с помощью дочки Афродиты соблазняет собственного мужа. Поэма конечно длинновата, впечатление такое что после «первого издания» делегации из небольших греческих городов приезжали к Гомеру с жалобой, что он забыл упомянуть их славных предков, и получив скромные приношения, тот немедленно дописывал пару-другую страниц. Одиссея кстати совсем другая по тону, не очень то гуманна и оправдана кровавая расправа с женихами и тем более со служанками. Не похоже что ее писал автор Илиады. Скорее это умелая стилизация под нее.

Смертные греки стараются не отставать от своих богов, таких как в поэме. Александр Македонский показал всем, что не обязательно наслаждаться царской жизнью дома, нужно дерзать, идти походом в далекие страны, дополнить колонны гоплитов боевыми слонами, перепробовать красавиц и красавцев всех народов, и умереть в 33 года. Но в Греции все это как-то стихийно, неорганизованно. И вот на смену Греции появляется Рим – первая мировая империя. Римляне, в отличие от китайцев, решили не огородиться, а завоевать весь мир. Черная икра поступает с Каспийского моря, соль из Англии, оливки и педагоги из Греции, вино из Испании. Для прекрасной

половины, хотя и с перебоями, работает Большой шелковый путь, от Китая в Европу, длиной в 6,500 тысяч километров. Обслуживает его цепь постоянных дворов, они же обеспечивают безопасность, меняют валюту. Живут на них те же носатые, которых римляне выселили из Палестины. Рим – царство организованности. Губернаторы, префекты, субпрефекты, налоги, суды, писанина. Римский легион – первый в мире образец военной массовой продукции, разбивает стандартный лагерь за два часа, неважно в какое время года и где, в Германии, Галлии или Северной Африке. Легион – кстати не только военная единица, но и хозяйственная, строит каменные дороги, мосты, путевые станции. Везде, где прошли хотя бы раз римские легионы, они посеяли зерна организованности и цивилизации. России, точнее тогдашним славянам, не повезло. Легионы не прошли дальше Румынии.

Но и Римом что-то происходит. Громадная машина задыхается под собственной тяжестью. Окраинам уже не нужен центр. Варвары, под предводительством людей, прошедших школу младшего состава в римских легионах, как потоп, заливают империю. Византия, про которую мы всегда читали, как слабую и одряхлевшую, держится после этого еще тысячу лет. Неплохо, по сравнению с 12 годами тысячелетнего рейха и семьдесятю годами Советского Союза – славного будущего всего человечества. Кстати сейчас, в начале 21 века, когда все пишут и восхищаются глобализацией и тем что «мир стал плоским», неплохо бы и вспомнить о том, что пару тысяч лет назад в Европе тоже происходило «уплощение мира», но почему-то после этого успешного пятисотлетнего периода его организатор – Рим улетел ко всем чертям.

Но и тысяча лет Византии имеет конец. 1453 год – турки-сельджуки штурмом берут Константинополь, завоевывают Северную Африку, Балканы, заводят бани в Будапеште, подходят к стенам Вены и Москвы. Но в последующие 500 лет у мусульман отлив, а в Европе прилив, она устремляется вперед. А чем заняты Индия и Китай, в которых уже известны порох, бумага, печатные книги, и многое другое? Где они? Чем заняты? Почему Европа сокращает технический разрыв более чем в тысячу лет? Пассионарность по Гумилеву. А может быть другое? Античные греки кроме Олимпийских игр, македонской фаланги, амфор с вином, поэзии и гетер, изобрели кое-что в политике – самоуправление городов, принцип выборности, республику. Это перенял древний Рим, и это и помогло римлянам завоевать Италию, Галлию, Испанию, победить Карфаген, разбить парфян и т.д. И хотя кончили Римляне своей раздувшейся империей, но эти ростки “республиканизма” навсегда остались. И в Европе – самоуправление городов уже не исчезло никогда. И в Барселоне, и в немецкой Ганзе, и в Голландии и Франции. Даже в эпоху расцвета абсолютизма городские советы, гильдии, выборность не исчезают. Как мы знаем из Дюма, в разгар Фронды Людовика XIV выгоняют на 10 лет из Парижа, и с Парижем без короля, его двора и чиновников ничего не случается. А уж про швейцарские кантоны, Голландию или Исландию, с ее первой конституцией, и говорить нечего.

Вообще 15 век, век особый. Кроме падения Константинополя, в нем много чего происходит. В 1453 году Гутенберг напечатал первую библию, а к началу XVI века, как ни трудно в это поверить,

вышло уже около миллиона книг. С книгами дело пошло еще быстрее, было сделано математическое открытие, совершившее переворот в мореплавании, торговле, строительных и прочих расчетах – изобретены логарифмы. Вместо того, чтобы перемножать числа, можно складывать их логарифмы. Гениальная идея, значение которой в 21 веке, видимо, будет забыто, поскольку сейчас разница в умножении и сложении проявляется лишь в разных значках на кнопках калькуляторов. Чтобы его оценить нужно, сначала, перемножить два семизначных числа, столько знаков нужно было примерно для астрономических подсчетов, а потом получить тот же ответ с помощью таблицы логарифмов, трижды в нее заглянув и сосчитав сумму логарифмов. Но где сейчас эти таблицы? Исчезли, погребенные на hard drives современных компьютеров. Кстати, и алфавиту приходится потесниться. Чтобы сейчас работать кассиром в магазине, не обязательно не только уметь считать, но и читать – смотри на картинки и нажимай кнопки. Можно представить себе, как где-нибудь около 6 тысяч лет тому назад, какое-то племя бурно обсуждает предложение молодежи перейти от пиктографического письма, т.е. когда слова изображаются картинками или иероглифами, к буквенному, когда слова набираются из небольшого числа букв. И один из старейшин говорит: «помяните мое слово, молодые люди. Не пройдет и несколько тысяч лет, и люди снова вернутся к картинкам, и отвернутся от этих мертвых словосочетаний». И если бы та молодежь могла взглянуть на иконки современных компьютеров, то поняла бы, что в чем-то старик был прав.

Другая важная веха в истории Европы да и всего мира – 1492 год. В этом году тоже кончился еще один цикл прилива – отлива. Приливом был приход арабов в Испанию. К XII веку они покорили всю Испанию, за исключением двух крошечных христианских анклавов высоко в Пиренеях. Прошли бы арабы еще пару долин, прогнали бы христиан за Пиренеи, и кто знает, кто бы приплыл первым в Северную и Южную Америку, и вместо католической, Мексика была бы мусульманской, а что было бы в Европе, и никто не узнает. Но уперлись на горных перевалах неграмотные пастухи, как в 1942 уперлись в подвалах Сталинграда остатки дивизии Родимцева. И не вступили Турция и Япония в войну, как обещали вступить, если Сталинград падет. И вот уже покатались немецкие дивизии назад, и так же стали пятиться назад мавры, и пятились двести лет, пока последний эмир Гранады, не предал своих подданных, и мусульман, и христиан, и евреев, и не отплыл в Африку, выторговав себе и пяти тысячам приближенных и родных право спокойного отплытия. А вот последний император Византии, Константин, умер как мужчина, с оружием в руках. Христиан живших под маврами простили, мавров, батрачивших в деревнях, перекрестили, но с просвещенными евреями оказалось труднее, да и имущества у них было много. Просто убить врачей, учителей и кредиторов как то не по христиански. Тогда выгнать, и с собой можете захватить все, что унесете, но конечно без золота и драгоценных камней. 1492 год – изгнание евреев из Испании. Часть ушла, унося ключи от родного дома, и еще и сейчас, в некоторых семьях ключи передаются из поколения в поколение. Часть осталась и приняла христианство, вначале притворяясь, но, сколько поколений так может продолжаться. И вот уже

еврейская девушка основывает женский монастырь и становится католической святой, и потомки евреев служат в инквизиции, чтобы было легче уничтожать документы о своем происхождении. Знакомый еврей из Шарлотты, сбежавший в Америку с Кубы, где его предки прожили худо-бедно почти триста лет, показывал мне небольшую античную штучку, купленную им в поездке по Испании. Круглый шар на пьедестале увенчан католическим крестом, обычный католический сувенир. Но если догадаться повернуть верхнее полушарие на несколько оборотов, то окажется что оно отвинчивается и внутри можно увидеть серебряный свиток торы и медузу. Так в некоторых испанских семьях хранили веру предков. Но вечно в подполье жить нельзя, в конце концов перекрестились, но наверное еврейский дух и мировоззрение еще долго передавались из поколения к поколению. Недаром мама М Монтеня – первого современного человека, как его называют из-за его «Опытов», я зачитывался ими в издании Литпамятники, вышла из такой семьи. И Монтень, будучи католиком и мэром Бордо, второго по величине города во Франции, поддержал в борьбе за престол не католика, а протестанта – Генриха Четвертого, того самого, из Королевы Марго, которой позднее провозгласил свободу религии во Франции. Американский писатель Гор Видал тоже немало удивился, когда узнал что его предки итальянцы-католики вышли из крещеных евреев. Впрочем и советские люди не знали, что авиаконструктор Лавочкин такой же еврей как и авиаконструктор Гуревич, автор МИГов, и министр вооружения Ванников. Впрочем и сейчас не все православные знают, что Христос был евреем, а дева Мария еврейкой.

В этом же 1492 году Колумб отплывает открывать Америку. Флаг и три каравеллы дали Фердинанд и Изабелла, а купить припасы и нанять команду помогли купцы и банкиры. Историки до сих пор разбираются, кто его финансировал. Похоже что те же, кого в это время выгоняли. Деньги все равно отберут, а на новых землях, кто знает, может быть, к евреям будут относиться получше. Впрочем, американское золото и серебро не пошли Испании впрок, а вот ремесленные Англия и Голландия развернули паруса и двинулись в просторы океанов. Два научных открытия помогли кораблям не затеряться в этих просторах. Первое – изобретение логарифмов. Второе открытие – законы механики Ньютона. Путь к ним тоже был не такой уж простой. Ньютон вывел их из законов Кеплера. Планеты обращаются вокруг солнца по эллипсам, и Солнце в одном из фокусов. Это еще сравнительно простой закон, а вот второй, объясняющий неравномерность скорости по орбите, и третий, где квадраты периодов соотносятся с кубами расстояний между фокусами, это просто чудеса. А Кеплер их откуда взял? Да изучал много лет тома астрономических таблиц Тихо Браге. А как же Браге измерил расстояния? С помощью телескопа, изобретенного его коллегой и корреспондентом Галилеем. А замечательную точность он получил благодаря умелым датским мастерам и остроумной идее заменять отдельные наблюдения арифметическим средним по многим. Дальше пошло быстрее, хотя немало сил ушло на религиозные войны, к счастью окончившиеся вничью. Абсолютная власть монархов, которую они так долго утверждали, тоже закачалась. Буржуазный принцип соотношения

доход с расходами, сбор налогов и податей, приходит в противоречие с тратами королевских любовниц. И вот уже английскому королю отрубают голову. Через 150 лет и французскому тоже, и знак прогресса, вместе с королевой. Правда даже тогдашним революционерам, в отличие от большевиков, не приходит в голову мысль убить и маленького сына, его всего лишь отдают на воспитание в простую семью, где он вскоре благополучно умирает. Потом конвент, террор, Директория, консульство и империя, хорошо знакомые советским людям по «Наполеону» Тарле. Императором Франции становится скромный артиллерийский офицер, который, обладая хорошей математической подготовкой, сумел расставить пушки так, что они причиняют наибольший ущерб при осаде, и первым в мире догадался применить картечь не в поле, а в городе чтобы разогнать мятежную толпу. После этого идет блестящая эпоха наполеоновских войн, хотя Н. судя по его роману с графиней Валевской – замужней дамой, которую он шантажировал тем что если она ему не отдастся, то вряд ли Польша станет независимой, не был человеком чести, а судя по его походу в Россию и стратегом неважным. Потом реставрация, сто дней и снова реставрация. Моя любимая книга о французской революции написана князем – ученым – анархистом Кропоткиным. Ее наиболее важное заключение: Франция пережила за эту четверть века черт знает что, монархия, республика, директория, империя, снова монархия. Несколько раз все становилось с ног на голову и обратно. Одно осталось неизменным. Земля, которую французские крестьяне получили после падения королевской власти, осталась у них. В Англии тоже перемен немало – паровая машина и пароход и вообще первая индустриальная революция.

Но мы еще вернемся в Европу XIX века, а сейчас взглянем туда, на земли таинственной Скифии, а теперь ставшей не менее таинственной Московией. В Европе, России, на Камчатке и в Сахаре пути цивилизации немного разошлись. У одних есть есть камень, у других дерево, у третьих снег, у четвертых пески и оазисы.

Глава 2. От варягов-воинов до французов-кондитеров

Пробежав с разгону историю человечества, почему бы нам так же быстро не проскочить и раннюю историю России, чтобы потом, отдохнув и отдышавшись, как в предбаннике, в XIX веке, мы бы могли спокойно отворить дверь в XX-ый век.

В последние годы появилось немало статей и книг, где авторы, пытаясь объяснить нынешнее, далеко не первоклассное состояние России (а когда оно было первоклассным ?) объясняют нам какой в России плохой климат, как в ней холодно, как слабо светит солнышко и как много дров нужно истратить, чтобы было тепло. Совершенно понятно, что эти люди в других странах не жили, потому что если бы они пожили в Америке, например, то они бы поняли, какой же хороший, здоровый климат

в России, уж в европейской то части точно. Летом тепло, можно купаться в реке, ходить хоть голым, зимой, снег выпал, хочешь, на лыжах бегай, хочешь катись по реке на коньках, хочешь в санях по дороге. Осень, ну что ее хвалить, Пушкина читайте. Весна, мартовский или апрельский лед, такая красота. Больше полгода нет никаких проблем с хранением продуктов – температура ниже нуля. Летом тоже – наруби зимой льда, оборудуй ледник и холодильник не нужен. Такие ледники существовали во многих московских дворах даже после войны. Выращивать можно все, для тропических фруктов нужны, правда, теплицы, но это, при желании, тоже не проблема, как показали соловецкие монахи. В Америке же во многих штатах большую часть года, а кое-где и круглый год, нужно держать включенным кондиционер, через 10 минут прогулки по улице летом нужно принимать холодный душ и менять мокрое от пота белье. Да, во Флориде очень хорошо растут апельсины, а вот редьку выращивать не пробовали? Для яблок, например, даже в Северной Каролине слишком жарко, их выращивают здесь только в горах, потому что только там набирается достаточно “суммарной холодной температуры”. Только на Севере Америки можно выращивать клюкву, а насчет льна им остается только мечтать, как и о многом другом. Простая истина состоит в том, что от холода человеку защититься гораздо проще, чем от жары, и именно поэтому эскимосы живут в Гренландии, где четыре месяца не светит солнце и дует ледяной ветер, а вот ни в Сахаре, ни в Каракумах никто не живет.

А по поводу больших затрат топлива на обогрев нашей холодной страны, то в Москве на протяжении десятков лет жгли деревянную тару. В большинстве московских дворов зимой обычно существует полоса земли, на которой местами даже пробивается зеленая трава. Это конечно труба с горячей водой плохо изолирована, греет землю. Очень жарко было в московских квартирах в марте, в конце отопительного сезона, когда нужно было сжечь весь неиспользованный в этом сезоне уголь. Двадцать пять лет назад, когда мой школьный приятель переехал в Коньково-Деревлево и я поехал на его новоселье, я увидел гигантский горящий факел километров за пять. Это горел “лишний” газ. Он горит и сейчас. Если в комнате дует из щелей, то никакого обогрева не хватит, а если открыта форточка, есть холодные сени и хорошо проконопаченная изба, то полешко бросил и тепло.

Другое простое свидетельство, почему-то не приходящее в голову этим климатологам, что Россия к 15 веку была более заселенной страной, чем та же Америка. Ну, в общем людям, которые начали жить и жили в России 3-4 тыс. лет назад, было не так уж плохо. Но кто они наши предки? Славяне? А кто до них? Первое упоминание о славянах у Страбона – римского историка, 5-6 век нашей эры. Вдруг откуда-то пришли, говорят с Карпат, и глянь, к 10 веку уже заселили Киевскую Русь, а она протянулась почти от Балтийского до Черного моря. В 1147 уже основали Москву, мой любимый город. Да и как основали, прогнали уже жившего здесь «боярина Кучку». Да не просто заселили и жили. В двенадцатом веке написано “Слово о полку Игореве”. Люди, которые могут так писать, это умные, душевные, интеллигентные, чуткие, ощущающие красоту. Какая музыка в этих

строфах. Как жаль, что мы читаем, т.е. проходим их в школе в то время, когда не способны оценить красоту этого “Слова”. Кстати насчет предков тоже не все ясно, чуть про хазар не забыли с их иудейской религией. Они куда делись и почему у казаков на Дону было две станицы «жидовствующих»? Таких было немало впрочем и по всей Руси, не говоря о Жидовских Воротах в Киеве.

В общем, с климатом России повезло, с географией тоже, на обочине Европы, главное, что не на перекрестке, как какая-нибудь Бельгия или Эльзас. И море не такое теплое, как в Испании, куда народ валил аж из Ирландии. Правда, сразу наметилось одно коренное различие с Европой. В европейской России камня мало, а лесу много. У леса и камня есть свои достоинства и недостатки. Наличие камня делает прогресс основательнее. С камнем трудно, поэтому уж если строишь дом из камня, то надолго. Не только для себя или детей, но и для внуков и правнуков. Приходится строить не торопясь. Быстро и не получится, камень обтесать, не дерево срубить, раствор приготовить, железные скрепы откуй, камень складывай к камню, да не забудь про отвес, а то стена завалится. Есть, есть еще в Европе соборы, которые строят уже не первое и даже не второе столетие. Дерево – дело другое. Мне довелось видеть и не раз, как работает умелый плотник – двоюродный брат моей мамы. Это красота, топор так и играет в его руке. Изредка, довольно скупо забивает гвозди. Если работать с бревнами, они вообще не нужны. Бревна укладываются “в паз”, по углам “рубятся в лапу”, т.е. соединяются замысловатым деревянным зацепом.

Так что срубить дом можно очень быстро. Ни одной железяки не нужно. Из инструментов нужен по существу только один острый топор. Деревянный дом можно не только быстро построить, но и разобрать и перевезти. В летописи упоминается перевезенный «городок». Поэтому немудрено, что Россия освоила пространство от Волги до Амура быстрее, чем американцы от Нью-Йорка до Чикаго. Правда, знаешь, что строишь не на века. Скорее всего, сгорит при твоей жизни. Поэтому и память у «деревянной» страны короче, чем у каменной. Соборы и аббатства стоят и документы хранят. Деревянная церковь сгорела и все церковные документы тоже. Не то, что какой-нибудь Стоунхедже, в Англии, – обсерватория сложенная из 3-5 тонных блоков. За три тысячи лет не сгорела, и главное, местные мужики не смогли разобрать ее на постройку своих амбаров. Конечно, и на Руси строили из камня, но мне все-таки кажется, что это противостояние медленной каменной Европы и стремительной, но не очень тщательной России, проходит красной нитью через нашу историю. Как говорил Жванецкий, «тщательнее надо работать, товарищи».

Я уже сказал что не повезло России с римскими легионами. Не смогли они добраться до Днепра, не говоря уже об Оке и Волге. Шли медленно, дороги строили. А то говорили бы мы на чистой латыни, состояли бы в Европейском союзе, пыли на улицах было бы меньше, а порядка в финансах больше. То ли дело Атилла, из-за Иттиля, Волги то есть, промчался как вихрь, сжег Рим. Ну, впрочем, не добрались, и не добрались. Зато викинги пожаловали. Когда я учился в школе в 50-е годы, викинги

были «табу». Да, мол, иногда попадали на Русь, но изредка, служили в наемной охране, но вот «начальство» у нас всегда было свое, русаки. Правда, у Алексея Толстого в эпитафии мы могли прочитать слова из летописи «Земля наша богата и обильна, но порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами!» Просто наши предки были поумнее нынешних националистов. Не боялись учиться у тех, кто знал больше или умел лучше. А это и есть признак настоящего ума. Кстати, список делегации Святослава в Византию сохранился, он состоит почти исключительно из скандинавских имен.

Историки до сих пор спорят, откуда произошло слово Русь. То ли это название одного из скандинавских племен, то ли наши предки были русыми, светловолосыми, то ли племена жили вдоль русел рек. Но как бы то ни было, но уже в 9 веке о киевских купцах знали и в Византии, и в арабских странах. О мудрости Киевского князя и славе Киева говорит и женитьба на дочери византийского императора, и принятие христианства. Да и город интернациональный – одни из городских ворот называются «жидовскими», к ним примыкал квартал населенный евреями и «жидовствующими», т.е. перешедшими в иудейскую веру. Киевская Русь погибла в 1240 году, когда Киев штурмом взяли войска Батыя. Я большой поклонник исторических романов В. Яна, где он описал и Чингизхана и Русь в это время. Конечно, когда Ян написал свой первый роман, «Чингизхан», то перепуганная редакция даже отказалась рецензировать рукопись про жестокого и хитрого диктатора. Только, когда на Россию напал Гитлер, и он стал больше походить на героя Яна чем на родного генсека, рукопись срочно издали, и живущий в бедности Ян, неожиданно для себя стал лауреатом Сталинской премии первой степени.

Эстафету древней культуры и традиций приняла Россия. Дальше пошло татарское иго, которое в известном смысле помогло созданию русского государства, хотя и привело к еще большей азиатчине. Киев пал, зато Москва уцелела, платила дань, роднилась с татарами, налаживала отношения с Ордой. Меньше, чем через 150 лет уже победа на Куликовом поле, а еще через сто и дань не платим. Как и Европа, страна тянется или ее тянут к абсолютной монархии. Любимец Сталина, Иван Грозный разгромил единственный крупный оплот демократии – Новгород, члена Ганзы, торгового союза европейских городов. Чего писать о Грозном ? Достаточно раз взглянуть на него в Третьяковской галерее на знаменитой картине Репина или почитать пьесу А Толстого, старого, а не советского.

Смутное время. Светлая голова Бориса Годунова, безвинно оклеветанного Пушкиным, не смогла справиться с тремя годами засухи. Кстати интересные заметки об этом времени оставил Исаак Масса, еврей из Голландии, живший и торговавший тогда в Москве, чей портрет можно увидеть в Амстердаме в музее Рембрандта. После изгнания поляков царя Михаила Романова впервые выбрали ! Его сын Алексей Михайлович, был первым реформатором в России, правда очень осторожным, в отличие от своего сына Петра, это именно он пригласил первых иностранных специалистов в Россию.

Необычайной личностью был Петр Первый. Не много в мировой истории было таких царей, что готовы были встать к токарному станку или учить морское дело. Он вывел Россию на европейский простор, разбил шведов и турок, прорубил окно куда надо, построил флот и основал Петербург, правда, на болоте. Однако, проведя в Европе почти два года и изучив несколько ремесел, он не понял самого главного. Богатство и сила европейских стран не в их корабельных верфях, инженерах и литейных заводах, не в бритых лицах, и даже не в грамотности. Они основаны на фундаменте демократии, самоуправлении городов, ограниченности власти монархии, начатках религиозного многообразия и известной независимости церкви. Ничего этого Петр не принес в Россию. Поломал две сравнительно независимые силы – боярство и патриаршество. Создал назначаемый Синод. Все реформы сверху. Вся сила – военная. И так дальше и поехало до 60х годов 19 века, а отчасти и до самой Революции.

Правда повезло России с Екатериной II. Принесла хоть немного немецкой организованности. И некоторые начатки цивилизации. Да и женщиной оказалась страстной, что помогло ей собрать вокруг себя талантливых мужчин, и первый из них конечно Потемкин, ее тайный супруг. Сохранилась их переписка. Да и искусство и науки при ней процветали, Державин, Эйлер, правда Радищеву пришлось несладко. Правда убила первого мужа - Петра Зго, опять таки по новым независимым данным, человека неглупого и неплохого, просто Россию не понял. Потом идут бедняга Павел, щеголь Александр I. Война с Наполеоном. Читайте «Войну и мир». Наполеона прогнали, спасибо разумным Барклаю де-Толли и Кутузову. С пленными французами обошлись очень разумно. Специальный указ Александра I, о разрешении на проживание и на занятия без всяких ограничений, и вот мы уже которое поколение наслаждаемся салатом «Оливье». Гениальный Пушкин – о нем столько сказано и написано, что лучше просто перечитать «Евгения Онегина» и «Капитанскую дочку». Кстати, перечитав ЕО уже в зрелые годы, понял, что в поэме не два главных героя, а три. Третий, сам автор и его комментарии. Вообще перечитывать книги «пройденные» в школьные годы, очень полезно, все видишь под другому. В Горе от ума – видишь что ума то у Чацкого было немного, и горе случилось от его недостатка, а в Тарасе Бульбе узнаешь какое место в повести занимает жид Янкель, он чуть ли не единственный из героев упомянутый во всех главах, и не случайно именно к нему приходит Тарас с просьбой о помощи, когда Остап попадает в плен. И Янкель, рискуя жизнью, помогает ему попасть в тюрьму. Да и на Андрия смотришь другими глазами. А кстати вы не помните, что сказала прекрасная полячка, когда А приходит к ней с едой по подземному проходу в осажденный город. Этого, мне кажется, никто не помнит, а ведь ее монолог занимает полстраницы и обращен не к А.

Глава 3. В предбаннике XX века

С каждым столетием человечество развивалось все быстрее и быстрее, но в XIX веке произошло какое-то переключение передач. Цивилизация понеслась неудержимо вперед, держась в основном за хвост науки. А та конечно не сама ускорила свой ход. С одной стороны, дорогу ей проложили французские просветители, с другой – две революции, американская и французская. Американская показала, что бунт, мятеж могут носить очень цивилизованные формы – отказ от присяги можно написать в виде Декларации независимости, а роль Пугачева может играть собрание делегатов – континентальный конгресс. Французская, развеяла бредни о голубой крови и божественном происхождении королей. Если умеешь расставить пушки при обстреле крепости, не боишься под огнем повести своих солдат в атаку, и не стесняешься применить картечь на городской площади, то можешь стать императором и повелителем пол-Европы. Но важно и то, что в этих политических переворотах участвуют массы. Похожее, случилось и в науке. Ученым может стать каждый, у кого есть мозги и желание узнать, как устроен мир вокруг него. И вот Карно создает теорию паровой машины, Максвелл пишет уравнения электромагнитного поля, Галуа и Абель доказывают, что чего-то доказать нельзя, Менделеев составляет Периодическую таблицу Элементов, Пастер ставит замечательные опыты и основывает современную микробиологию, Дарвин совершает переворот, – он говорит, что мы люди, произошли от маленьких смышленных обезьянок. Но это все для узкого круга. А для простого народа – паровые машины, ткацкий станок с программным управлением, придуманный французом Жаккардом, газовое освещение, фотография, радио, пастеризация молока и прививки от бешенства, автомобиль, и, наконец, электричество. Прогресс, он и везде прогресс. Если что изобрели на гражданке, то военные тут как тут, бывает и наоборот, но гораздо реже. Подводную лодку, на которой надо было грести веслами, но под водой, применили в Гражданскую войну южане, пытаюсь прорвать блокаду. Судно северян потопили, но сами погибли. Через сто с лишним лет лодку подняли, а экипаж из шести человек похоронили. Процессия шла вдоль рядов мужчин в конфедератской форме и женщин в черных вуалях. Сражались эти подводники зря, но погибли как герои.

В Америке создается могучая Америка, в Англии королева Виктория и викторианские нравы, в Японии революция Мейдзи, и Россия тоже прокручивается через XIX век. Начало вроде неплохое. Разгромили Наполеона – с его Великой Армией двенадцати языков. Русские солдаты вошли в Париж, показали себя, повидали мир. Русское офицерство – цвет нации, понимает, что солдаты, которые героически сражались и умирали вместе с ними, заслуживают лучшего, чем быть продаваемыми, как скот. И вот декабрьское восстание – одна из самых благородных страниц в русской истории. Декабристы выводят солдат к Зимнему дворцу. Почему Якушкин, который требовал, чтобы ему предоставили благородное право убить царя, дважды разговаривая в этот день с царем, не решается

поднять на него руку, почему Трубецкой не является на площадь, он же выбран военным руководителем, почему никто не решается штурмовать Зимний Дворец? Чего-то немножко не хватило, а может быть наоборот, люди слишком порядочны, слишком благородны, слишком христиане. Мне кажется, что истинное величие декабристов, особенно если сравнивать их с некоторыми российскими диссидентами XX века, проявилось не тогда, когда они простояв на площади почти целый день под ледяным ветром, а последние два часа под огнем, в конце приняли картечь, а тогда, когда они оказались в Сибири, и там начали сеять “разумное, доброе, вечное”. Их подвиг и труд не пропали. Пушкин и без них родился гением, но их волна подняла его и сделала национальным поэтом и глубоким мыслителем.

Николай I в общем был отнюдь не так плох, каким его представляли нам в школе, если учесть что повесили только пятерых, да и с Пушкиным он обошелся гуманно, Михайловское не Сибирь и после смерти на дуэли оплатил его громадные долги. Но к Крымской войне Россия оказалась неготовой. В рукопашной мы молодцы, но никакая храбрость не поможет, если у союзников – нарезные ружья, т.е. винтовки, а у нас гладкоствольные. Солдат выходит на дуэль с противником, у которого пуля крутится и летит в три раза дальше. Интересная психология русского генералитета и вообще начальства. Русские ружья стреляют на 300-400 метров, а у противника на 1000-1200. Воевать или вначале научиться нарезать винты? Проблема конечно в том, что те, кто решает этот вопрос, не стоят под пулями в первой шеренге, да и во второй тоже. Но, как это всегда в русской истории, поражения идут России на пользу, а победы наоборот. Начинается полоса реформ и великий 1861 год – год освобождения крестьян. В Америке в это время идет кровавая Гражданская война, на ней погибло 600 тыс. человек, и Юг в руинах, но Линкольн - великий человек, а Александр II, освободивший крестьян и не обидевший дворян, кажется нам маловыразительной фигурой. Бомбят его, это 1881 год. Что делать с террористами? Как показал мировой опыт – самое страшное наказание для них и тех, кто мечтает пойти по их стопам, это не смертная казнь, а тюрьма, лет на 20-30 или пожизненно. Ведь больше всего эти люди жаждут быть на виду, хоть бы и на эшафоте.

Наука наукой, но и искусство понеслось вскачь. Пушкин написал «Евгений Онегин», Л.Толстой – «Война и мир», «Казачьи» и «Анна Каренина», Тургенев «Отцы и дети», Дюма – «Три мушкетера». Там же во Франции и П Мериме, учивший русский чтобы читать Пушкина, Бальзак замахнулся на Человеческую комедию, Бизе написал Кармен и умер вскоре после провала ее премьеры, не узнав что она станет самой исполняемой оперой мира, в Англии Диккенс, в Америке – Марк Твен, в Италии – Верди, в Германии – Гете, Гейне и Бетховен. Список можно продолжать на целую страницу. Одних гениев не всех упомянешь. Но все-таки по благу к русским добавляю Лескова. В России – передвижники, во Франции – импрессионисты, в 40-х годах появились дагерротипы, через десять лет фотография, а всего еще через пять лет, таков темп прогресса, английская полиция уже конфискует 100 тыс. порнографических фотографий только в одной мастерской. Вот что двигает прогресс –

прекрасная женская попка. Ружья стали винтовками, порох превратился в динамит, а из двустволки, наверное, родился станковой пулемет Максим. Можно представить каким удовольствием для молодых германских офицеров из экспедиционного корпуса было применять его против бушменов в конце XIX века. Впрочем, многие из них всего лишь двадцать лет спустя и уже чином постарше наверное вспоминали этих бушменов, когда уже сами со своим солдатами лежали под французским пулеметным огнем. Как известно, из 8 млн. погибших в первой Мировой, более 70% погибли как раз от него.

Конец 19 века почти что триумфален. На горизонте лишь небольшое облачко – Англо-бурская война, залезшая и в 20 век. Еще одно достижение науки на рубеже двух веков. На сцене появляется Зигмунд Фрейд. Подсознание. Все о сексе. Ребенок, якобы ненавидит папу и хочет переспать с мамой. Если тебе приснилась сигара, проверь на месте ли твой член и т.д. Я, в общем, готов присоединиться к Набокову, назвавшего Фрейда венским шарлатаном, но вот насчет детских травм, тут почему-то все пошло чисто по Фрейду. Кроме облачка англо-бурской войны, еще три на горизонте. Подрастают три подростка. Один в маленьком грузинском городке, другой в заволжском, третий в австрийском, Джугашвили, Ульянов, Шикльгрубер. Скоро весь мир узнает их под сценическими псевдонимами, кстати очень схожими, ведь у этих актеров и амбиции очень схожие. Чтоб звучало кратко, решительно, запоминалось, Сталин, Ленин, Гитлер. У всех троих неясно кто отец, все три, в общем-то, незаконного происхождения. В школе дразнят, над бедностью смеются. У Ульянова кроме того, в одиннадцать лет, вешают любимого старшего брата. Что ж тут удивляться, что один из этой тройки отдает приказ о расстреле царя вместе с женой и детьми, а заодно и с доктором, и слугами, и призывает расстреливать проститутку. Другой убивает жену, друзей и родных и миллионы людей, часть которых ему исключительно предана, а третий отправляет людей, в том числе и маленьких детей, в газовые камеры, поскольку они не «арийцы». А арийцы – это сам психопат, отравленный газами в первую мировую войну, колченогий Геббельс и боров Геринг. Получается, что, что-то во Фрейдовской теории есть, хотя психоанализ так же похож на науку, как их кушетка на научный прибор.

Но все это еще впереди и начинается XX век на вполне оптимистичной ноте – люди полетели. Они конечно летали и раньше. Когда я был в Израиле, то мы с однокурсником Саша К. пошли пешком на библейскую гору Фавор, ту самую где «свет с Фавора» у Пастернака. И когда уже подходили к вершине, мы внезапно увидели летящего вверх ! человека с крыльями. Это летел дельтопланерист используя восходящие потоки. И до меня внезапно дошло, что миф об Икаре – это не миф. Современный дельтоплан конечно весь нейлон и пластик, но козьи шкуры и бычьи жилы тоже материал неплохой, а принципиальная схема дельтоплан сперта у птиц.

Глава 4. От Парижской выставки до 9-го января

Итак, в начале XX века человечество вместо того чтобы шагать, по настоящему полетело. Примерялось оно давно, с Икара, шаров, надутых горячим воздухом, с рисунков Леонардо да Винчи, их можно посмотреть в Милане, в том же монастыре где Сикстинская капелла, и планеров, но хотелось летать не пр ветру а куда хочешь. Первыми полетели дети священника – братья Райт. Они подошли к делу по-американски. Вначале, они открыли маленькую велосипедную мастерскую, которая потом превратилась в небольшую фирму, изготавливающую их собственную модель велосипеда. Этот бизнес обеспечил им небольшой, но постоянный доход, техническую базу, и научил сочетать прочность с легкостью. В отличие от большинства их соперников, старавшихся прежде всего поднять самолет в воздух, они перенесли центр тяжести на вопрос, а как же управлять им в воздухе. Перед тем, как построить самолет, изучили все что могли о планерах, построили несколько штук и два года летали на них. Между делом они сделали и первую в мире небольшую аэродинамическую трубу, где продували модели крыльев и всего своего самолета. После первого полета, который они документировали, сделав фотографии и пригласив свидетелей, они упорно продолжали совершенствовать свой самолет, построив три улучшенных варианта и доведя дальность полета через два года до 40 км! Далее впрочем, их американизм оказал им плохую услугу. Они ввязались в многолетнюю и безуспешную тяжбу за патенты, подтвердив еще раз, что самые главные изобретения запатентовать невозможно, поскольку никто не хочет платить за идею, которая уже висит в воздухе, да еще так наглядно. Тысячи изобретателей и десятки стран устремились в пролом, и уже в 1909 году Блерио перелетает Ла-Манш. Перед 1-ой Мировой Войной и во время нее началась такая гонка, что, хотя в это трудно поверить, но к концу войны было произведено более 200 тыс. самолетов. Россия запустила самый большой бомбардировщик в мире «Илья Муромец», а ее воздушный флот перед войной (но не во время) превосходил немецкий и французский вместе взятые. Интересно что через сто лет поле полета Райтов точная копия их самолета не полетела, видимо руки были не те.

Россия тоже вступила в XX век и ее промышленность стала быстро развиваться. Страна потенциально богатая, политически стабильная, иностранцы не боятся вкладывать, да и своих денег много, русский хлеб за границей идет по хорошей цене. Железные дороги строятся с невиданной скоростью. В Москве появились электрические фонари, проложена конка, появился телефон. По Волге поплыли пароходы, открылись громадные текстильные мануфактуры, русский ситец покупают в Китае и в Персии. Новоиспеченные миллионеры, деды которых были крепостными, скупают в Париже картины импрессионистов, но с большим разбором, только самые лучшие. Недаром я был так разочарован, побывав в Париже в музее импрессионизма. Сам музей, переделанный из старого железнодорожного вокзала, прекрасен, а картины - слабота, лучшие полотна в Америке и Москве. О

замечательных русских художниках и говорить нечего. Их картины вообще не появляются на рынке. Третьяков покупает их на корню, еще незаконченными, в мастерских у Сурикова, Репина, Крамского, Серова и других. Их картины сразу уйдут в Третьяковскую галерею, уже завещанную Москве. Кстати, это оказалось плохой услугой для русской живописи, оказалось, что в XX веке у нее нет рыночной цены, она никогда не была на рынке. То ли дело импрессионисты, их картины по двадцать – тридцать, а теперь и сто раз таскали из одной коллекции в другую, каждый раз на десять франков повышая цену.

Россия начинает догонять Европу по технике, но не по политическому устройству и сразу первая закавыка. В 1904 году начинается русско-японская война. Сама мысль о том, что Япония, которая за пятьдесят лет до этого не имела ни одного железного судна, ни одного километра железных дорог, чьи пушки стреляли каменными ядрами, может замахнуться на великую Россию, разбившую Наполеона, бившую пруссаков, англичан, турок и всяких прочих шведов, казалось смешной. Но оказалось, что грамотность населения, устойчивые культурные традиции, навыки дисциплины, служат такой хорошей почвой, что если на нее бросить семена западной технологии, то за сорок лет могут вырастить такие плоды, что только держись. Может быть, самым главным оказалась готовность японцев учиться у тех, кто в чем-то тебя превзошли, отказавшись от идеи, что у них все самое лучшее. Значительная часть флота, как впрочем и российский «Варяг», построены на американских или британских верфях, офицеры кончили английский военно-морской колледж, но все остальное японское.

В детстве я много раз перечитывал «Цусиму», написанную участниками цусимского боя, Новиковым – Прибоем. Она рассказывает о путешествии эскадры Балтийского флота на помощь осажденному Порт-Артуру, ее бесславной гибели в проливе Цусима. Бесславной, поскольку из-за технической отсталости царского флота, и бездарности высшего командования, она была разгромлена, несмотря на мужество рядовых матросов и офицеров. Все почти как в Крымскую войну, все правильно, и матросы храбрые и офицеры умелые, да и Рождественский сделал все что мог, только там ружья далеко не стреляли, а здесь порох оказался не тот. Примерно то же, происходило и на суше. В период почти непрерывных войн, которые вела Россия в XVIII веке, отбор командиров наверх проходил по результатам, и в итоге русской армией командовали такие полководцы, как Суворов, Кутузов, Барклай де-Толли, Ермолов, Скобелев, на флоте Ушаков, Нахимов, Истомин, Корнилов и многие другие. Как только наступают большие перерывы, как между войной 1812 года и Крымской, Русско-Турецкой 1876 года и Русско-Японской, отбор идет по карьерным данным, светские генералы, те что на виду у царя, идут наверх. В общем Россия потерпела сокрушительное поражение и на суше и на море, хотя условия мира были сравнительно легкими. До крушения царской империи, которой через девять лет (1913 год) исполнилось триста лет, осталось всего тринадцать лет. Это был, кстати, уже второй звоночек. Первый звоночек прозвучал в 1896 году, на коронации Николая II, когда толпа бросилась за бесплатными кружками, и нерасторопность московской полиции привела к гибели тысяч обывателей, то бишь знаменитая Ходынка.

Поражения всегда шли России на пользу, и нечто разумное затрепетало в воздухе. В Октябре Николай II объявил Манифест, в котором согласился созвать Государственную Думу. Но в январе 1905 года прозвучал и третий звоночек. Это было Кровавое воскресенье 1905 года. Как часто в России, все началось с вполне здравой идеи. По инициативе секретного отделения полиции, создали монархическую рабочую организацию во главе с попом Гапоном. Экономическое положение рабочих тяжелое, они хотят выйти на мирную демонстрацию к Зимнему Дворцу с иконами и портретами царя, с просьбой облегчить их участь. Кто-то, наверное, должен выйти им навстречу, сказать небольшую речь, может быть, пригласить руководителей во дворец, угостить чаем с баранками, пообещать что-то, и может быть даже когда-нибудь что-нибудь сделать. В буржуазных республиках это раз плюнуть. Обещателей и успокоителей полно. При абсолютной монархии таких деятелей наверху нет, одни царские чиновники. Вроде мужа Анны Карениной, который прекрасно может говорить с Анной, с Вронским, с камердинером, с царем, но не с работягами, с толпой. То, что в воскресенье может произойти бардак, ясно многим. Специальная делегация деятелей культуры даже пришла на аудиенцию к Витте, одному из самых толковых деятелей царской эпохи. И Витте, выпускник физ-мата и возможно самый толковый премьер в Российской истории, ответил как настоящий чиновник - «это не по моему ведомству». В результате поручик, на которого в конце концов выпало принимать решение, действовал по уставу своего ведомства, военного. Он приказал толпе остановиться за 50 шагов, а иначе он должен скомандовать «пли». Но толпу, на которую прут сзади тысячи людей, не остановишь. Ну значит Пли. Вот вам и первая русская революция. В Москве баррикады, в деревне по традиции – пушают красного петуха, на Черном море восстание на Потемкине и офицеров бросают за борт. Я читал Цусиму до фильма Эйзенштейна и уже знал, что на корабле офицеров много и они разные, среди них есть артиллеристы, есть врачи, есть инженеры, штурманы и т.д, но главное – люди среди них и плохие и хорошие. Чем большинство из них виновато, что матросам дали гнилое мясо ? Да и как же корабль поплывет без офицеров ? Не важно, вали всех за борт без разбора и поплывем без офицеров.

Глава 5. Через три Думы к Распутину

Не только «Потемкин» плыл без офицеров. Вся Россия тоже походила на такой корабль. Честный, но не очень умный и образованный царь, Государственный Совет, состоящий из отслуживших свое сановников. Чиновничество, ждущее приказов сверху, слабое бесправное земство, не имеющая почти никаких прав и все время разгоняемая Дума. Все это в России не новинка. Новинка - революционные партии, небольшие, но хорошо организованные, и растущая пропасть между интеллигенцией и властью. Вслед за разгромом Революции 1905 года последовала небольшая контрреволюция. Карательные отряды в деревнях порют мужиков, путивших барину красного петуха,

кое-кого и расстреляли по приговору военно-полевых судов, но за все эти годы меньше, чем за день 1937 года, в год, когда было только расстреляно по приговору троек более 300 тысяч человек.

В то же время все понимают необходимость реформ. Премьером становится Столыпин – сторонник решительной земельной реформы. Он понимает, что вместо общинного владения землей нужна частная собственность на землю. Вот это не все понимают. В 1907 году совесть России, Лев Толстой написал Столыпину письмо, где пытался объяснить преимущества общины, а также что земля Божья и никому принадлежать не должна. Прямо как коммунисты в Думе уже 21 века. У общины, конечно, есть много хорошего, так же как, например, у коммунальных квартир, или воспитания детей в яслях. Вопрос в том, что перевешивает, «плюсы» или «минусы». Столыпин ответил Толстому, который служил вместе с его отцом в Крымскую Войну, подробным письмом, объясняя что в сельском хозяйстве община плохо работает. Чтобы это понимать, не нужно быть Столыпиным, но желательно подержать в своих руках лопату или ручку плуга. Правда Толстой таки держал ручку плуга, недаром когда я кошу траву косилкой в Америке, то иногда вспоминаю картину Крамского «Толстой за плугом» и про себя думаю как о шагающей пародии на Льва Т. Тем не менее Т был неправ. Я же пришел к «Столыпинским» соображениям о сельском хозяйстве с другой стороны. Десятилетним мальчиком я работал на субботнике в Госплановском саду, о котором я рассказал в «Прогулке далеко». Мы все сажали деревья вокруг ограды, кстати, состоявшей из колючей проволоки, натянутой на столбы, и интересно что такая ограда в детстве ни у меня, и ни у кого тогда не вызывало никакого удивления. Я очень старался, гордый тем, что мама уже научила меня правильно сажать деревья. Нужно выкопать довольно большую яму, а потом насыпать землю конусом, добавить перегной или навоз, если в почве много песка, и добавить песка, если очень много глины. Придерживая дерево за ствол, нужно расправить корешки на этом конусе, и начать засыпать их рыхлой землей. Очень важно, чтобы корневая шейка дерева была не слишком высоко, дерево будет сохнуть в жару, и не слишком низко, чтобы ее не заливала вода. Важно даже как ставишь ногу, когда утаптываешь дерево после посадки, с пятки на носок, а не наоборот. Я заметил, что не все работали усердно и не все правильно сажали, но каждый получил один трудодень. Я уже знал, что в колхозах труд измеряют в трудоднях, и папа объяснил мне как их начисляют. Возвращаясь усталый домой, я смутно подумал, что в садоводстве, да и вообще в сельском деле, труд практически невозможно измерить. Особенно если сажаешь деревья, ведь они вырастут через много лет. А вот когда человек сажает и растит для себя, то ему и мерить не надо, ему не нужно начислять себе трудодни. Кстати, хотя Госплановский сад полностью погиб, и на его месте стоят многоэтажные дома и проходит аллея Дорога Жизни, но часть тополей вокруг ограды, и среди них именно те что сажал я, напротив улицы Исаковского (тоже интересное совпадение) сохранилась и их можно увидеть на Гуголь-земля, введя Россия, Москва, Строгино, ул. Исаковского.

Но и Столыпин не понимал, как и Петр I почти за двести лет до него, что важны не только разумные реформы, но и то как они проводятся. Он проводил их сверху, не пытаясь найти политическую

поддержку среди населения, или хотя бы своих братьев дворян – кадетов. Он отвергал Думу, добивался ее роспуска. Может быть позднее и он бы понял как проводить реформы, но судьба отмерила ему совсем немного времени. В 1908 году его застрелил убийца, чисто российское сочетание, еврей – сотрудник царской охраны.

Пока в России спорят о земле, в Америке – уже фордовская модель Т и конвейер, поезда на рекорд развивают скорость в 180 км в час и многое другое. А тракторы в Америке, паровые, появились еще в 19 веке. В 1910 году умер Лев Толстой и заменить его некем, хотя нужно честно сказать, что начиная с Холстомера, Смерти Ивана Ильича и Крейцеровой сонаты, трех глубоко фальшивых произведений (кстати Иван Ильич Мечников, родной брат нобелевского Мечникова был хорошим чиновником), Лев попятил и никого не слушая, например родной тетки и жены родившей ему 13 детей, внес свой вклад в разрушение бедной Российской империи. На фоне этих всевозможных больших событий происходят и незначительные. В том же году, в семье еврейского мельника в Смоленской губернии, родился мой папа – Михаил Яковлевич. Много лет спустя, в 1963 году, когда наша семья за сертификаты от папиной командировки на Кубу купила Москвич-403, я с папой и его старшим братом Аркадием, поехал в Смоленск, точнее под навесить место, где они родились. Хотя они и не были в Смоленске больше сорока лет, они нашли это место в излучине небольшой реки, хотя от мельницы, пруда, плотины и дома, где они выросли, не осталось почти никаких следов. У меня не хватило ума сделать набросок этого места или сделать хотя бы краткую запись, где оно.

Папа пересказал мне со слов его отца, как возникла эта мельница. К тридцати годам дедушка Яков уже поработал на многих мельницах и хорошо изучил мельничное дело. Когда он женился и стал ожидать первенца, он решил сам основать мельницу. Нашел район, где не было близкой мельницы, выбрал место на реке и стал объезжать окрестные деревни, рассказывая о себе и своих планах и прося выделить ему землю и помочь с постройкой. Мужики его поддержали, и в назначенный день к реке приехало множество крестьян с подводами и лопатами. Начали возить землю и насыпать плотину. На каждую привезенную подводу земли дедушка выдавал расписку, обязуясь в будущем намолоть столько-то пудов муки. Насыпали плотину, дедушка занял денег, купил жернова, другое мельничное оборудование, и мельница начала работать. Построили большой жилой дом, на пруду развели гусей и уток. По рассказам папы, жили если не богато, то вполне зажиточно. В семье было пять сыновей, Аркадий, Карл, Исаак, Михаил и Борис и три дочери, Лия, Ида и Нюра. Школы рядом не было, и через несколько лет, когда дети подросли, дедушка даже выписал домашнего учителя, который учил детей читать библию на иврите, русскому языку, арифметике и географии. Папа говорил, что читал на иврите очень быстро, чтобы поиграть с деревенскими ребятами, которые заглядывали в окно, ожидая, когда «Мишка кончит свой талмуд». Может быть потому, что мельник был уважаемым человеком, может быть потому, что братья дружно стояли друг за друга, но папа говорил, что в детстве он не встречал

никакой враждебности из-за того, что они зажигали свечи в пятницу и ездили в синагогу по субботам. Через несколько лет после революции Сонины переехали в Смоленск.

Но это все впереди, а сейчас на Россию надвигается шторм, Первая Мировая. Первая Мировая, что ? Выставка, ярмарка, олимпиада ? Да нет конечно – Война.

Глава 6. Первая Мировая

Конечно, как и почти во всех событиях XX века в России, да и не только в России, виновата Первая Мировая Война. Она задала весь ход XX веку с его Февральской и Октябрьской революциями, фашизмом, сталинизмом, голодом, чистками, Второй Мировой Войной, ядерными бомбами, холодной войной, оттепелью, Хрущевым, Брежневым, Перестройкой и общему закату Европы и всему, всему. Эти две мировые войны закончили пятисотлетнюю гегемонию Европы над всем остальным миром. Лично мне не очень пристало катить бочку на Первую Мировую, поскольку без нее вряд ли бы моя мама, деревенская девочка из Полтевых Пеньков вышла бы замуж за моего папу, сына религиозных евреев из Смоленска. Для создания такой семейной пары и такой встречи России нужна была очень большая встряска, и она, как и вся Европа, получила ее в полной мере.

Наступает 1914 год. Пора, пора открывать занавес XX века. Ведь увертюру, т.е. балканские войны, как для глухих, уже проиграли трижды, причем часть участников из врагов превращалась в друзей и наоборот. Но главные европейские артисты только готовятся к выходу на сцену. А кому собственно было нужна эта пьеса, самая кровавая до той поры в мировой истории ? Ведь никаких серьезных резонансов для нее вроде бы не было, и в западных учебниках ее причины излагаются невнятно и глухо. Но и особого секрета нет. Один из самых умных политиков XIX века, «железный канцлер» Бисмарк сформулировал очень простое политическое уравнение. Он сказал: «в Европе есть пять великих держав, и любые три могут побить две другие». Германия и Австро-Венгрия – союзники, и язык общий и культура близкая, а главное совсем недавно (1866 год) Германия поколотила младшую, как выяснилось в результате этой войны, сестру. Франция и Германия – смертельные враги. Поражение под Седаном и контрибуцию можно забыть, но «Пышку» Мопасана и утрату Эльзаса с Лотарингией никак нельзя. Россию, кроме небольших стран вроде Сербии, Болгарии и Армении, где лилась русская кровь, никто не любит, и вредят ей, как могут. Совсем недавно били Россию в Крыму, и вообще «англичанка гадит», где может: и ружья Шамилю, и пушки туркам, и броненосцы японцам. Была бы Россия поумней, так и жила бы без союзников. И пусть они себе делят колонии в Африке. Но нет, Россия, раскинувшаяся от Польши до Аляски, полагала что ей не хватает Босфора и Дарданелл. В этом была своя логика, потому что Россия считала себя Третьим Римом и прямой наследницей Византии, у которой нехристи-турки оттяпали и эти проливы и красавицу Айю Софию, самую большую христианскую церковь, сделав из нее мечеть и нахально переименовав Константинополь в Стамбул. Логика эта правильная, проблема только

в том что логично рассуждают одни, а воюют, как правило, другие. Но главное, подвело хозяйство и российская привычка занимать деньги и жить в долг. Денег не хватает, пара займов у Франции, и мы уже союзники. А кроме того, Париж приятнее Берлина. Душа русского человека всегда больше лежала к шампанскому, устрицам и французенкам, чем к пиву, сосискам и немкам. Получается расклад два на два. Лично Бисмарк Россию очень уважал, воевать с ней не советовал ни в коем случае, но его «ушли в отставку». Итак, все решает Англия. Англия никого из тех, кто за каналом, не любит, но Германию не любит особенно. Ведь та замахнулась на святое, на колонии в Африке. Да и промышленное производство в Германии обгоняет Англию, в ней передовая химия, машиностроение, крупновские пушки лучшие в мире, немцы интенсивно строят флот. В общем, Англия выбор сделала, но показывать его не хочет, заключает секретное соглашение с Францией. Пусть Германия думает, что два на два. В общем, мина под 20 век заложена уже давно, но взрывается только в 1914 году, когда недоучившийся гимназист (очень популярная категория в те отсталые педагогические годы) стреляет в упор в наследника Австро-Венгерского престола. Август 1914 года. Лучше всего его показал Феллини в замечательном фильме «И корабль плывет». Австрия предъявляет Сербии очень грубый ультиматум. Россия предупреждает Австрию, что Сербию, младшую славянскую сестру, обижать не позволит и готова объявить мобилизацию. Германия же говорит, что мобилизацию в России будет считать объявлением войны. В России же хорошо помнят, что в прошлую войну с Японией, мобилизация, с ее деревенскими проводами под гармошку и разливным самогоном, продолжалась аж два месяца, так что откладывать ее никак нельзя. Еще можно дать задний ход. Германский император – двоюродный брат русскому, императрица – немка. Тут бы и пропустить рюмочку шнапса по-семейному. Но Сербия, но братья – славяне, да нам же близки все мировые проблемы, исключая мелкие, домашние. Да что подумают о нас наши союзники – республиканская Франция. Да и нам ли пятиться от немцев. Мы же их только что били на льду Чудского озера. Кто может возвысить голос против войны? Толстой уже умер. Парламентских партий по существу нет. Обсуждения – воевать или не воевать, нет. Кстати, одним из немногих влиятельных людей, кто был против войны, был Распутин. Простым мужицким умом он понимал, бабы, водка, деньги, цыгане, пляски - это хорошо, а война – это дурость! К сожалению его влияние на царя и царицу преувеличено, а жаль.

Если бы всегда воевали те, кто решает начать войну, политиканы, генералы, «патриоты», да журнальные писаки, то войн бы не было, ну вышла бы в поле пара тысяч самых горячих, подрались и разошлись бы. Но воюют всегда другие. Может быть есть и глубокая психологическая причина, по которой страны и их верхушки рвутся в бой через 30-40 лет после очередной войны. И грянул гром. И Англия объявляет войну Германии, и через четыре года, потеряв пять миллионов молодых людей, империю, колонии, Эльзас-Лотарингию и многое другое, поймет Германия, что Бисмарк был прав: «три – больше двух». Но это потом, а сейчас у Германии лучшая армия, самые большие пушки, подводные лодки, а кроме того, германский генштаб придумал оригинальную дебютную заготовку – ударить по

Франции через нейтральную Бельгию. И ударили, и уже подошли к Парижу, и французская армия перебрасывает резервы, мобилизовав французские такси. Но на такси далеко не уедешь. Кто же спасет Францию? Ну конечно, благородная Россия. И армия Самсонова начинает неподготовленное наступление в Восточной Пруссии. Гибель армии Самсонова (сам он мужественно покончил с собой) описана Солженицыным в его «узлах». А почему не Англия начинает неподготовленное выступление? Потому что в Англии парламент, и правящей партии пришлось бы отвечать в парламенте, а почему английский корпус пропал в Мазурских болотах. Парламент тоже, конечно, не страховой полис, и вскоре английский экспедиционный корпус, куда его пошлют по инициативе Черчилля, умоется таки кровью в Галиполи, где турки с немецкими советниками расстреляют его из крупновских пушек и пулеметов. И Черчиллю придется уйти в отставку. Но, уйдя в отставку, он сделает решительный шаг, добровольцем пойдет командовать английским полком во Франции, на передовую, и тем спасет и свою честь и будущую политическую карьеру.

Пока европейские страны схватились в кровавой драке, что же с моими предками? Другого дедушку, родившегося и выросшего в деревне Полтевы Пеньки Рязанской губернии, как и миллионы других российских мужиков, призвали воевать против немцев, которых тогда называли германцами, а в особом раздражении тевтонами или даже гуннами, хотя честно говоря, это гунны пришли в Европу с территории нынешней России, а не наоборот. Как рассказывала Бабушка, дедушка был небольшого роста, ниже бабушки, но очень ловким и сноровистым, и прекрасно ездил на лошадях. Бабушка в детстве не раз повторяла мне, наверно, чтобы подбодрить: «Маленькие – они вообще ловчее». Он попал в кавалерию, и сразу же показал себя таким хорошим наездником, что его не послали на фронт, а оставили инструктором в запасном кавалерийском полку в Тамбове. У нас осталось несколько фотографий того времени. На самой большой он сидит вместе с другими двадцатью кавалеристами. Все, без исключения, с лихо закрученными вверх усами, в форме, в фуражках, начищенных кавалерийских сапогах (с небольшими застешками), многие, в том числе и дедушка, с пашками. Все смотрят в объектив серьезно, не улыбаясь, все невысокие, крепкие, грудь колесом, все не старше двадцати пяти. Взгляд дедушки кажется мне более осмысленным, чем у других, но я понимаю, что это потому, что когда я гляжу на фото, я смотрю в основном на него. На двух других сохранившихся фото дедушка в такой же форме с двумя товарищами – сослуживцами. Все кажется очень крепким и основательным, а ведь до революции, когда все полетело вверх тормашками, оставался всего лишь год с небольшим.

Жене дедушкиного полкового командира была нужна прислуга, и Бабушку, у которой уже был двухлетний Ваня, выписали прямо из деревни в Тамбов. Это был первый город, которой она увидела в своей жизни. До этого самые большие путешествия были с ее мамой на богомолье в знаменитый Саровский монастырь. В советское время там был закрытый атомный центр, а теперь снова монастырь. Шли туда пешком, по сорок верст в день (верста это два километра, получается что-то слишком много, но я пишу как слышал от Бабушки – сорок верст в день). Шли босиком, лапти несли в руках, чтобы они

не истрепались. Перед входом в монастырь – надевали. Тамбовская Барыня была хорошей, но строгой. Из бабушкиных рассказов о ней я запомнил, как она наказала одного из своих детей, когда он съел конфету без спроса. Было куплено два фунта леденцов, и мальчик должен был их съесть вместо обеда. По нынешним воспитательным меркам, это жестоко, нужно было терпеливо, раз 10-20 объяснить ребенку, почему есть без спроса неправильно. Эти педагоги забывают, что ребенок не рассуждатель, а чувствитель. Объяснение, даже повторенное 20 раз, он забудет, а вкус последнего леденца из этих двух фунтов он запомнит на всю жизнь. В общем, бабушке было в Тамбове неплохо, да и дедушке видимо тоже, но когда бабушка забеременела, ей пришлось уехать в деревню и осенью 1916 года рожать там мою маму. Мама, кстати, как-то сказала мне, что бабушка ей этого отъезда не простила и любила ее меньше чем Ваню. Это поразило меня, нечто похожее я слышал от своей сестры, сам был обижен на что-то, в общем оказалось что, у каждого выросшего ребенка, есть чувство обиды на родителей.

Дедушку Бабушка увидела нескоро, потому что в феврале 1917 года довольно неожиданно для всех пала царская монархия. Как, впрочем, семьдесят с небольшим лет спустя скоропостижно загремел и казавшийся еще более непоколебимым Советский Союз. Когда революция происходит в конце войны в побежденной стране, это нормально. Так было в Германии и Турции. Но в России, как всегда, все не так как у людей. Есть, конечно, и более простое объяснение. У царской власти – абсолютной монархии, есть обратная сторона – абсолютная ответственность. Если в Англии наступит голод, никто не будет винить королеву и ломать решетки Букингемского дворца. А если ты абсолютный монарх, то за все и отвечаешь. И за русско-японскую войну, и за 9 января, и за Ленский расстрел.

Воевала Россия в общем неплохо, хотя своих солдат не очень-то жалела и к 17 году за спиной тяжелые потери, армия устала, население тоже, начались перебои с продовольствием и топливом. Но ведь в Германии еще хуже. Зато порядка больше. А в России как всегда бардак. Кто виноват? Систему и себя изменить трудно, значит надо искать виноватых. И нашли – Распутин. А что с ним делать, да что тут рассусоливать, убить конечно и патриоты, аристократы сидящие в тылу, готовы это сделать. И убили. И почти никто из убийц не пострадал. Ход войны не изменился, но простой народ увидел как просто надо решать проблемы.

Я читал интересные мемуары одного эмигранта, забыл его еврейскую фамилию. Он был секретарем не то Земгора, общественной организации помощи фронту, не то Петроградской Думы. Он ругает Петербургское начальство, которое не хотело и не умело заниматься организаторской работой: что, куда, на чем, как оплатить, где хранить и т.д. В сущности два небольших события привели к крушению трехсотлетней монархии. Во-первых, три дня в Петроград не завозили хлеба. Хотя этот настырный еврей за три недели до этого написал докладную записку, что хлеб на складах кончается и надо завезти его в Петербург. Но не завезли и женщины в очередях озверели. А во-вторых, запасной Волынский полк, которому было очень неплохо в столице, решили отправить на фронт. Ну кому это понравится – на фронт из Петрограда, где все солдатики уже и баб завели, их во время войны пруд

пруды, а послать хотят в окопы, где «газы пуцают». Да и почему бы царя не сместить, если недавно аристократы-патриоты убили Распутина, и никто, ничего, даже в тюрьму никого не посадили. А за что убили ? За то, что вместо того чтобы звать к победе, он их жен жарил. Так те сами же этого и хотели. Поэтому, долой офицеров, выберем Революционный комитет. А у царского правительства войск в столице нет. Гвардейские полки, те самые знаменитые, Преображенский и Семеновский, давно на фронте, их отправили по настоянию общественности и они уже перемолоты в боях. Полицейские воевать не могут, да и против броневиков с браунингом не попрешь. Раз, два и происходит бескровная Февральская революция. Власть переходит к Временному комитету Гос. думы. И тут для России наступает роковой момент. Думцы должны принять решение. Оставить Россию конституционной монархией как Англия или Республикой как Франция. Но России уроки Французской Революции не указ. Амбиции, обиды на царскую власть, державшую Думу без должного почтения. Да зачем нам царь, мы сразу прыгнем в европейский парламент, у нас же такие замечательные кадетские ораторы в Думе. От Николая 2го требуют отречения. Ну хорошо, сместили этого царя, так найдите другого. Ну пусть отречется хотя бы в пользу наследника, ведь Россия 1000 лет была под властью царей, из них 300 правили Романовы. Ну должна же быть какая-то преемственность, какой-то плавный переход, ведь мужики привыкли молиться за царя батюшку, а мужики это ведь 90% населения. Да и Николай мог бы упереться. Но рядом нет никого, кто может подсказать - за наследника отречься не надо. А так ведь подписываешь приговор и себе и семье. И подписал.

После этого перед молодым Временным правительством, состоявшим сначала из известных думцев, в основном кадетов, стоят два следующих ключевых вопроса - продолжать ли войну и проводить ли земельную реформу ? Ответы очевидные, войну продолжать, реформу провести, выбрав Учредительное собрание, намеченное на осень 1917 г. Все правильно, но как и в жизни, вопрос за малым, как продолжать и что обещать. Россию трясет лихорадка, массы давят и правительство левеет. И вот уже премьером становится Горбачев 1917 года – краснобай Керенский, которому кстати всего 37 лет, лучший оратор последней думы, защитник на политических процессах и коллега Ленина по Симбирской гимназии, военный министром Б Савинков – боевик эсер, писатель и тоже оратор. Оба, да и все временное правительство, люди неглупые. Перед ними вроде нет особых проблем. Россия ведь в стане победителей. Нужно только не дергаться на фронте, кормить тыл и ждать когда Германия околует. Она ведь на последнем издыхании, читайте Ремарка «На Западном фронте без перемен», лучшую книгу о Первой Мировой. Но оказывается есть два ряда ума. Один – это объяснять, анализировать, убеждать, в основном таких же умников. Другой – это что делать при пожаре, куда бежать, если опасность, за кого выходить замуж. Ум не вербальный, а уличный. В спокойные времена, в цивилизованной стране первый и нужен, но в России, да еще в такое время, нужен второй. Ум артиллерийского поручика Наполеона, ум фельдфебелей, ставших комдивами и комкорами в Гражданскую войну. Новое российское правительство не понимает, что сидит на пороховой бочке, а

фитили уже едут из Германии в plombированном вагоне. А почему не понимает ? Кто ночевал холодной ночью в дырявой палатке и мокрой одежде, тот знает как хочется в теплый дом. Но правительство там и не ночевало. А ведь к 17 г солдаты уже провели в окопах четыре зимы. На фронте начались случаи братанья, и если они начались даже при германской дисциплине, значит солдатики действительно устали. Ну если невозможно кончить войну, ну пусть пушки себе палят, а солдаты сидят в теплых блиндажах. Ведь Германия на грани поражения, Америка готовится вступить в войну. А что союзники просят наступать и даже прислать им русских солдат на Западный фронт, сенгальских стрелков у них уже не хватает, ну так надо дипломатично сказать – никак нельзя, фронт развалится. Но послали, целый корпус. Если нельзя провести сразу земельную реформу, ну так пообещайте, хотя бы тем кто воюет, что им землю дадут. Вместо этого Вр. Правительство летом 1917 начинает наступление на фронте. Конечно неудачное - кто же хочет идти в атаку и умереть в конце войны. Немцы тоже не хотят воевать, но еще больше они не хотят, чтобы к ним в окопы ворвались и их перекололи. Поэтому немцы наступление естественно отражают.

Доверие к Вр. Правительству падает. Если не можете арестовать Ленина, так хоть стяните в столицу верные части, ведь можно как то наскрести. И наскребли. Так же как царское правительство осталось без защитников в Феврале, отправив гвардейские полки на фронт, так и Временное правительство оказалось в октябре 1917 г. только с безусыми юнкерами, да с женским батальоном, составленным кстати из женщин добровольцев, у многих из которых мужья погибли на фронте. Об их судьбе после штурма Зимнего в советское время не писали ни слова. Ну вот вам и Октябрьский переворот. Так его сами и большевики называли несколько лет, потом стала Октябрьская Революция, а когда я уже учился, это была Великая Октябрьская Социалистическая Революция и попробуй напиши хоть одно слово с маленькой буквы, отметку снизят на балл. Далее позорный разгон Учредительного Собрания, на выборах в которое большевики собрали в три раза меньше голосов чем эсеры, диктатура пролетариата. А что такое пролетариат, осталось тайной даже за 70 лет советской власти. Дальше у революции своя логика – закрытие всякой оппозиционной прессы, разгон всех партий, в том числе и вчерашних союзников, конфискации, заложники, расстрелы без суда, мобилизации, реквизиции, и просто Террор. Вообще буквы Ц и Р очень популярны. И наконец, кто бы мог подумать - Гражданская война.

Этот период хорошо описал Мариенгоф в своей небольшой книжке воспоминаний. Да и других мемуаров есть немало. Например, интересные записки оставила З Гиппиус, женщина хотя и не очень умная, но наблюдательная, а она ведь прожила 1917-1920 гг. в Петрограде.

Глава 7. Веселое время

Именно так и называлась повесть Гайдара, рассказывающая о жизни провинциальной России после Февральской Революции, увиденной глазами гимназиста старшеклассника из бедной семьи. Как сходит на нет учеба, как большевики успешно агитируют против Временного правительства, как этот гимназист уходит воевать за красных. Г. был талантливым и нестандартным советским писателем, достаточно почитать его Голубую чашку, да и в Судьбе барабанщика с его шпионами-вредителями, отец главного героя сидит в лагере, а человек хороший. Сам Г. в 15 лет командовал полком и видимо такого повидал и накомандовал, что у него нет ничего написанного о Гражданской войне. Так же как у Зощенко нет почти ничего о Первой Мировой, на которой он, пойдя добровольцем, провел три года на передовой.

Казалось большевики должны проиграть Гражданскую войну. Все военные козыри на другой стороне. Белым помогают союзники, хотя и очень вяло. Маннергейм предлагает Юденичу 100 тысячный корпус только за обещание независимости Финляндии, но нет, что же это за Россия без царства Финляндского, хотя бы и автономного. Но ведь война то не простая, а гражданская. Многие генералы поняли это только спустя много лет в эмиграции, а некоторые из них никогда. Самым умным белым генералам потребовалось три года, чтобы это понять. Поэтому в 20 г. Врангель и начинает проводить земельную реформу. Одна заковыка – земля в его распоряжении только в Крыму. А вот большевики это знали с самого начала и даже до начала Гражданской войны. Время, проведенное в эмигрантских кафе, не прошло даром. Сразу Декрет о Земле и Мире, да все с большой буквы, т. е. крестьяне сразу могут захватывать и грабить помещичьи дома, а солдаты могут бросить фронт. Правда не надолго. Следующий шаг - всеобщая мобилизация, в том числе царских офицеров – семьи служат заложниками. Логика у большевиков диалектическая, поэтому и офицеров можно мобилизовать, пусть послужат. А у белых добровольческие части, где офицеры идут за рядовых. Каким идиотом нужно быть, чтобы думать что полки, состоящие из офицеров, могут выиграть войну у солдатских полков под руководством таких же офицеров. Оказалось что ораторский опыт Троцкого важнее фронтового опыта Деникина, кстати выходца из крестьян. Понимал это и Тухачевский, боевой офицер царской армии, четыре раза бежавший из немецкого плена, мнивший себя Бонапартом гражданской войны. В 1918 г он напечатал статью в Правде, где объясняет как надо воевать, и когда Колчак успешно наступает на Тух-го и дела у Красных опять плохи, в тылу у белых восстают Челябинские рабочие, снова показывая что агитаторы важнее генштабистов.

Не так уж много хороших книг написано о Гр. войне. У белых мемуары писали как вожди, Деникин и Краснов, так и те кто прошли рядовыми, как Р. Гуль, Ледовый Поход, он же потом написал три интереснейших тома о русской эмиграции, о Франции (лучший), Германии, Америке. У красных

Разгром Фадеева, Тихий Дон Шолохова. Лживая повесть Фурманова. Фильм Чапаев, хотя и талантливый, но тоже неправдивый. Тихий Дон и Доктор Живаго – две лучшие книги о Гр. войне, хотя в первой очень узкая география, а 2ая написана не очевидцем. Трилогия А Толстого сейчас выглядит как фальшивка. Дело еще и в том, что это у англичан аристократы и выпускники Кембриджа и Оксфорда рвались на фронт, а в России только Зощенко и Гумилев воевали, а остальные писатели и поэты до передовой не добрались.

Достается и бывшим союзникам, меньшевикам и эсерам. Позорный расстрел царской семьи по телеграмме из Москвы. Долгое время я не знал, что в первоначальном официальном сообщении говорилось что расстрелян только царь, а «семья Романова переведена в безопасное место». Расстреляны все и сразу, и маленький мальчик, и девушки царевны, и врач, и прислуга, и матрос, хотя и пролетарского происхождения. В 1965 г я, будучи в Свердловске, еще видел дом Ипатьева с заколоченными окнами подвала, где их расстреляли. Позднее, во время правления обкомом Ельцина, его снесли. Распоряжение Ленина, которое можно найти в его собрании сочинений, о необходимости расстрела священников и проституток. Это даже не логика революционной борьбы, а чистый психоз. Я читал собрание сочинений Ленина в 7 классе во время болезни, том за томом и его статьи производили немного странное впечатление, несмотря на то почтение, какое я тогда питал к Ленину. Никакого уважения к своим оппонентам, ругань вместо аргументации, никогда нет даже мыслей о примирении и каком-то компромиссе.

1918 г. Подслеповатая эсерка Ф. Каплан стреляет в Ленина, мстя за расстрелы своих товарищей-эсеров, ранит его, но не смертельно. В ответ по пролетарской логике расстреливают буржуазных заложников и дворян. Кстати, любителям считать процент евреев среди чекистов, не мешало бы помнить, что среди покушавшихся на Ленина их оказалось аж все 100 процентов. В моем детстве ходили слухи, что по просьбе Ленина ее оставили в живых. Какие оказались сказки. Расстреляна во дворе Кремля безо всякого суда и следствия, это из воспоминаний коменданта Кремля. Время оправдания Веры Засулич прошло, да и сама старушка теперь сидела очень тихо, хотя и написала довольно ядовитые мемуары, напечатанные Обществом Политкаторжан, до его разгона главным Генеральным каторжником, весьма малым тиражом, где о Ленине она написала «слушала его доклад, не произвел особого впечатления». О Сталине до революции она вообще никогда ничего не слыхала.

1922 г., все кончено. Волна эмиграции, не то 2, не то 3 миллиона человек, полмиллиона во Франции, полмиллиона в Китае, остальные по всему миру. Немало аж в Латинской Америке, где русские офицеры будут продолжаться сражаться с немецкими, те за агрессора - Боливию, а русские, как всегда за правое дело, за Парагвай. В Алжир, тогда французскую колонию, приплыл русский флот из Крыма и с ним 150 тыс эмигрантов, Скандинавия, Мексика. Самые талантливые, цвет нации, попадают в США, Зворыкин, Чичибабин и много много других. Если бродить по русскому кладбищу под Парижем - сен Женеьев дю

Буа, как будто читаешь учебник русской истории – Бунин, Булгаков (философ), Коровин и тьма и тьма подобных имен. Русские офицеры и солдаты лежат там вместе, как служили.

Правда «веселое время» оказалось веселым для искусства. Шагал учится писать по революционному. Мейерхольд открывает пьесу чтением телеграммы о штурме Перекопа. Ну повезло не всем, Гумилева расстреливают, даже не совсем ясно за что, а впрочем бывший офицер и вообще. Блок умирает от истощения, а может быть пораженный тем, насколько правильными оказались его слова «Да скифы мы, да азиаты мы...». И насчет матросских патрулей все верно, только вместо Христа в белом венчике из роз – конфискация церковного имущества. После трех лет Гр. войны начинается небывалый голод. Кто бы мог подумать, что так обернется, всего лишь три года ничего не сеяли, а воевали, и вдруг голод. Слава Богу, которого большевики отменили, Мир не без добрых и кстати религиозных людей. Герберт Гувер, будущий американский президент, возглавляет комитет помощи голодающим в России и этот комитет спасает миллионы людей. В школе мы этого не проходили.

В Германии тем временем Гитлер делает первый шаг к власти. Ступенькой служит Версальский договор. Он был несправедливым, поскольку в развязывании войны были виноваты все страны, кроме пожалуй США, а расплачиваться пришлось Германии и России. Молодой Дж. Кейнс, тот самый, с Нобелевкой, это сразу понял и написал небольшую книгу. Горькие обиды к хорошему не приводят. А тут еще фантастический миф об «ударе в спину», дикая инфляция, и Гитлер находит отклик своим бредовым идеям среди выбитого из колеи населения. Кстати после развала С. Союза появился такой же миф, что он мол не сам развалился, не выдержав дикой попытки соревнования по вооружениям со всем остальным миром, а его ЦРУ развалило передачами по Голосу Америки. И хоть страшно глушили, все равно развалили, наверное передачами о джазе.

Пора вернуться к моим дедушкам. Папин папа сидит под Смоленском, мелет мужичкам муку. А мамин папа, так и не побывав на фронте, плывет со своим полком по Азовскому морю к Врангелю, то ли разгромить его, то ли ему на помощь.